

ДАНИЭЛЬ ЗЕА РЭЙ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Даниэль Зеа Рэй

Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66652326

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-93781-9

Аннотация

3565 год. Общество разделено на коренных жителей и пробужденных, которых после смерти подвергли глубокой заморозке и спустя долгие годы воскресили. У пробужденных нет прав и ответственность за их поступки несут опекуны. Социальное неравенство породило взаимную ненависть коренных и пробужденных жителей Земли. Нейтралитет сохраняет правительство и даниины, которые стоят на страже порядка в этом обществе. Кайлин просыпается в новом мире спустя полторы тысячи лет после смерти. Ее опекуном назначают Гийона Самари – даниина из отдела особо тяжких преступлений. Гийон не скрывает своей ненависти к пробужденным и вынужденное назначение опекуном воспринимает как наказание. Ему поручена миссия: он должен выяснить, кем в прошлой жизни была его подопечная и какие тайны она хранит. Когда на кон становится ее жизнь, Гийон понимает, что Кайлин пустили в расход и кроме него ей некому помочь. Пробужденной и опекуну придется найти общий язык. Но никому не известно, что из этого получится.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	59
Глава 4	71
Глава 5	93
Глава 6	125
Глава 7	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Даниэль Зеа Рэй

Пробуждение

Пролог

Что ждет нас после смерти? Я часто задавала себе этот вопрос, пока, наконец, не умерла...

Это был тяжелый день, хотя, если задуматься, он мало чем отличался от всех предыдущих. У меня отказали легкие. Я понимала, что наступила последняя фаза процесса, и через несколько часов, а то и минут, мое сердце, наконец, перестанет биться. Умирать тяжело. И страшно...

Эта смерть для меня была окончательной и, не стану кричить душой, единственной, которую я ждала. Трубка неудобно торчала из шеи. Говорить я больше не могла, да и сил на слова уже не осталось. Я устала. Бороться устала и жить вот так, как жила.

Саша сидел возле моей кровати и молча смотрел на меня. Он ждал. Я пошевелила пальцами, он тут же поднялся с кресла и наклонился к моим высохшим губам.

– Ты обещаешь? – спросила я беззвучно.

– Да, я же дал тебе слово, – ответил он и сел опять на свое место.

Мне не хватало воздуха. Легкие постепенно наполнялись

жидкостью, и мне все время хотелось кашлять, но аппарат не позволял выдохнуть, с силой толкая в меня кислород и принося телу очередную боль.

Что-то изменилось в следующий миг. Грудь сдавило, и я почувствовала, как мое сердце начинает биться быстрее. «Тук, тук-тук-тук», – говорило оно, набирая темп перед последним толчком.

Приборы запищали, и Саша снова вскочил. Он плакал. Странно, только теперь я это заметила. «Не нужно. Я готова. Я хочу», – говорила ему про себя я.

Он никого не звал, да и не пришли бы они. Все было решено и записано. «Тук-тук-тук». «Ну вот и все. Наконец-то я свободна...» «Тук»...

Глава 1

«Я всегда мечтала начать все заново. Понимаешь, с приходом этой болезни смысл моего существования оборвался. Каждый новый день превратился в ожидание того, что непременно должно было произойти. Шестнадцать лет. Жизнь только начиналась, а на ней уже был поставлен крест. Знаешь, о чем я подумала, когда поняла, что он сделал? Нет, не о втором шансе. Я подумала о том, что следует быть крайне осторожной в своих мечтах: кто знает, возможно, они когда-нибудь сбудутся...»

Из разговора от 06.11.3565

– Гийон, я не прошу тебя сделать это ради меня. Это – прямой приказ! – ревел пожилой мужчина, сидя в кожаном кресле напротив.

– Я найду способ избавиться от этой петли, – Гийон отвернулся.

– Не найдешь! Она слишком важна для нас!

– Тебя сразу послать или оформить это в должностной записке? – Гийон усмехнулся и вальяжно откинулся на спинку неудобного стула.

Да, «старик» не баловал своих посетителей изысками в виде приличных стульев. Наверное, полагал, что подчиненным в кабинете начальства всегда должно быть неудобно.

Гийон к такому «трепетному» отношению давно привык, как и к отсутствию субординации в разговорах с руководителем. Сказать по правде, в этом кабинете можно было исповедаться и одновременно выматериться от души. По крайней мере, Гийону это позволялось.

– Послушай, мальчик, – шеф понизил тон, – ты все делаешь, как тебе велено. И обо всем, что узнаешь, будешь докладывать непосредственно мне.

– Она не только очередная богатенькая счастливица, так еще и вам нужна! – возмущению Гийона не было предела. – Как ты это себе представляешь?! Неандерталец в роли аналитика группы даниилов. Она ничего не знает!

– Узнает! – настаивал шеф. – И ты сделаешь все возможное, чтобы помочь ей. Ты не представляешь, на что она способна, – голос руководителя упал еще на один тон, грозя перерасти в шепот. Вот-вот, и шеф точно пригнется к столу. – Мне дали почитать всего лишь часть ее дела и, поверь, вскоре тебе нечего будет расследовать.

– Да пошел ты! – Гийон указал на него рукой.

– Сам туда иди!

– Я тебе обещаю, – он постучал пальцем по столу начальника, – что это привилегированное создание вылетит из моей группы через неделю.

– Она не похожа на остальных.

– Конечно же нет! – Гийон взмахнул руками, демонстрируя масштабы своего «восхищения». – Старухе более тыся-

чи лет! Естественно, она не похожа на остальных. Что тебе нужно от нее? Чего ты хочешь?

– Информации, только и всего, – слишком поспешно ответил старый ловкач. – Я надеюсь, что она сможет мне помочь. Проблема в том, что я не уверен, тот ли она человек, который мне нужен.

– Что-то я не понял, – Гийон поморщился.

– Мне только дали понять, что девушка может владеть информацией, которая мне необходима.

– И я стану для тебя гадалкой? Знает – не знает? Повезет – не повезет?

– Гийон, послушай, я ее видел. Они передали ее нам только потому, что я об этом позаботился. Она пригодится тебе, поверь мне.

– Бред. Аналитик! – он хлопнул ладонью по столу. – С ее уровнем образования ей только полы в баре мыть.

– Да, она немного отстала, – закивал шеф, – но быстро освоится.

– И что? Нам за ней по очереди наблюдать?

– Меня предупредили, что она может натворить глупостей, – «старик» задумчиво потер подбородок.

– Отлично! Еще и нестабильная. За это ты будешь мне должен, – он снова указал на руководителя рукой.

– Это еще почему?

– Специально свинью мне подложил, – припечатал Гийон.

– Я оказал тебе услугу, сынок. Ты еще поблаговаришь ме-

ня за это.

– Как всегда, самоуверенности тебе не занимать...

– Гийон, – шеф тяжело вздохнул, очевидно, черпая запасы собственного терпения из неких тайных источников, – твоя группа расследует самые жестокие дела. Ты хорошо разбираешься в их психологии, у тебя даже есть один из них!

– На воспитание Маркуса ушло пять лет, – напомнил Гийон.

– Но он прижился.

– От него не меньше головной боли, чем тогда, поверь.

– И она приживется, – убеждал шеф.

– В своей группе после завершения задания я ее не оставлю, – Гийон встал и задвинул ненавистный дешевый стул.

– Если ты решишь избавиться от нее, я сопротивляться не стану. Ее зовут Кайлин Рудецкая. Родилась в 2035-ом году. Умерла в 2062-ом.

– Где материалы ее дела? – он уже развернулся, чтобы уходить.

– Их нет. Все засекречено.

– Ты издеваешься? – Гийон застыл на полпути к двери из кабинета.

– Я же сказал, что мне самому дали изучить только часть, – развел руками «старик».

– Кто же она такая?

– Выясни сам. Ты же даниил все-таки, – хохотнул шеф.

– Все, – Гийон жестом показал «хватит». – С этим закон-

чили. Где ее забрать?

– Из Центра, – шеф расслаблено качнулся в мягком кресле. – Под расписку. Заберешь лично.

– Это я буду решать сам, – Гийон смотрел на дверь, желая побыстрее убраться из кабинета. – Отныне она в моей юрисдикции.

– Гийон! Не доводи меня! – лицо начальника побагровело.

– А ты напиши докладную, и я не стану больше мозолить тебе глаза.

– Напишу! – пообещал тот. – Когда-нибудь... А теперь проваливай из моего кабинета! – шеф махнул рукой. – Твое мерцание меня уже достало.

– Оно всех достало, – Гийон наконец-то коснулся дверной ручки. – И, поверь, меня тоже.

Она ждала, когда за ней придут, вот уже шесть часов. Все это время она тихо сидела на кровати и смотрела в окно. Чужой мир, другое время, новая жизнь. Она не выбирала. За нее сделал выбор он.

Ровно три недели назад она открыла глаза и поняла, что свет, слепящий ее, вовсе не врата в пресловутый рай, а потолочные лампы, встречающие холодным голубым сиянием. Черные тени, что замелькали перед уставшими глазами, словно темные демоны, вышедшие из недр другого мира,

чтобы забрать ее душу, вовсе не мифические создания, а реальные люди, стоящие подле нее. Чужие голоса пронзили чуткий слух, словно тысячи криков гибнущих людей, молящих о помощи. Только умирали на самом деле не они. Умирала как раз-таки она. Или не умирала?

Ключевой вопрос и оказался ответом: нет, она не умирала. Слезы горечи оросили ресницы, и сдавленный стон безысходности проник в пространство вокруг. Она все поняла.

– Год? – спросил чужой охрипший голос, оказавшийся ее собственным.

– Она что-то говорит, – забеспокоились люди вокруг.

Кто-то надел ей на лицо кислородную маску, но она не собиралась так просто сдаваться. Попытка поднять руку не увенчалась успехом: у нее не было никаких сил.

Кто-то склонил к ней голову и приподнял маску:

– Год? – прошептала она на идо, который узнала в их речи.

– Три тысячи пятьсот шестьдесят пятый, – ответил звонкий женский голос.

Она закрыла глаза и больше не плакала. Она знала, для чего они это сделали. Она помнила имя того, кто предал ее.

– Катъеирина?

Она обернулась и увидела в дверях довольно высокого и широкоплечего мужчину в одном из нелепых нарядов, которые носили люди за стенами этого здания. Волосы незнакомца были острижены у самых корней, а на голове среди них виднелся затейливый темно-синий рисунок.

– Вы опоздали, – она снова отвернулась к окну.

– Я и сам об этом знаю, – мужчина подошел к кровати, на которой она сидела.

– А извиняться среди вас не принято? – не глядя на него, произнесла она.

– А среди вас?

– Было.

– Среди нас тоже было, – ответил мужчина.

Она повернула голову и теперь уже более внимательно посмотрела на гостя. Катерина знала, что время изменило человечество за все эти годы. Исчезли светлые оттенки волос, кожа стала более смуглой, а глаза потемнели настолько, что светлым цветом оказался шоколадный оттенок, а не серый, как у этого незнакомца. Был ли он из ее времени или родился позже? Сейчас это не имело значения. Он пришел за ней как неравный по происхождению, как часть того мира, в котором она оказалась. Поэтому, когда бы он ни родился, для нее он был одним из них.

– Могу я узнать ваше имя? – спросила она, поднимаясь с места.

– Маркус.

– Очень приятно, Маркус. Катерина.

– То есть Кайлин, – исправил он.

– Здесь все называют меня этим именем, – Катерина пригладила смятое покрывало. – Почему не Кэтрин тогда?

– Все меняется, и имена тоже, – Маркус подошел к окну

и посмотрел на вид, открывающийся с высоты десятого этажа. – Вы русская, а этот язык умер сотни лет назад точно так же, как и все остальные. Что же вы хотите от имен?

– Я хочу, чтобы имя, данное мне родителями, осталось прежним, – в голосе прозвучал протест и некое упорство, как будто Катерина пыталась убедить Маркуса, что есть вещи, которые нельзя забывать. – Хочу, чтобы язык, на котором разговаривал мой народ, понимал хоть кто-нибудь.

– Война стерла грани между людьми, – он посмотрел вверх на ровные ряды проносящихся по воздуху машин. – В этом мире остались лишь коренные жители и пробужденные, к которым относимся мы с вами. Это другая жизнь, дарованная вам не родителями, а Ими. И они называли вас Кайлин.

– До чего же мы докатились? – она сделала шаг и остановилась у окна рядом с ним. – До единого мира или потери собственного «я»?

– Мы стали убивать друг друга и занимались исключительно этим на протяжении четырехсот лет, – он посмотрел на нее. – Достаточный срок для того, чтобы потерять корни и собственное «я» вместе с ними.

– А где родились вы? – она тоже повернулась к нему лицом.

– В этом Центре, – ответил Маркус и улыбнулся.

– Хороший ответ. Но американский акцент портит впечатление, – Катерина вновь уставилась в окно, внимательно разглядывая прохожих внизу, которые с этой высоты каза-

лись мелкими букашками.

– Бывали в Америке? – спросил Маркус.

– И не раз, – усмехнулась она.

– Тогда понятно.

– Мне повезло, что сейчас все говорят на идо. Этот язык только начинал набирать популярность, когда я была маленькой. Хорошо, что я выучила его.

– Ваше произношение достойно похвалы.

– Спасибо за комплимент, – коротко ответила Катерина, пресекая дальнейшие расспросы. – Вы отвезете меня в новый дом?

– Да, для этого я здесь.

– Мне дали одну из этих стеклянных карточек, – она небрежным жестом указала на тумбочку у кровати, на которой лежала та самая платежная карта. – Правда, я все равно не понимаю, как ими пользоваться.

– Вы быстро освоитесь, – Маркус хотел опустить ладонь ей на плечо, дабы хоть немного приободрить, но передумал: слишком уж Кайлин показалась ему отчужденной, и подобный жест с его стороны мог ее напугать. – Думаю, для начала стоит заехать в магазин, ведь кроме этой больничной пижамы у вас ничего нет, – предложил он.

– Отвезите меня домой, пожалуйста, – она прижалась лбом к стеклу. – Покупки я сделаю позже.

– Ладно, как хотите. Могу я называть вас на «ты»?

– Можешь, Маркус. Тем более, что ты явно старше меня.

– Мне тридцать четыре.

– Женат? – Катерина подула на стекло, и на нем расплылся запотевший след.

– Нет.

– А дети?

– Это допрос? – рассмеялся Маркус.

– Нет, просто интересно, – она пожала плечами и отошла от окна. – Моя бабушка говорила, что, если мужчина не остепенится до сорока лет, он не сделает этого никогда.

– Ну, у меня в запасе еще шесть лет, – шутливо заметил он.

– Не так уж и много, Маркус.

– Станный мы затеяли разговор, ты не находишь?

– Извини, не хотела тебя обидеть.

– Ну что, пойдем? – Маркус обернулся.

Катерина забрала карточку с тумбочки и остановилась в центре белоснежной комнаты. Кровать, тумбочка, дверь в уборную и широкое окно – вот и весь интерьер, больше напоминавший о вынужденном заключении, нежели свободе и новых перспективах. Она в последний раз осмотрелась, прощаясь с этим местом, и ответила:

– Пойдем.

Маркус вел ее на улицу через центральный холл. Здесь

никто не обращал внимания на странный внешний вид молодой девушки. Нет-нет, она не была какой-то особенной. В своем времени она больше походила на обычную серую мышь.

Невзрачная внешность, болезненная худоба и низкий рост наделяли ее способностью растворяться в толпе или сливаться с мебелью в заполненной людьми комнате. Она была... безликой, да, так можно сказать. Безликой, но только не для этого времени.

Вокруг толпилось много людей. Высокие, со смуглой кожей и яркими волосами самых разных оттенков, любых, только не природных, они казались мифическими инопланетными созданиями, похожими на людей, но не являющимися таковыми. Нет, они не были устрашающими. Скорее красивыми, но какой-то неестественной, искусственно созданной красотой. В моде приветствовались ярко-фиолетовые и темно-бордовые тона окраски. Аляповатые головы светились, словно неоновые рекламы на проспекте, привлекая внимание окружающих и быстро утомляя глаза своей пестротой.

Маркус снисходительно улыбнулся, когда Катерина, немного замешкав, притормозила у самой двери.

– Боишься?

– Нет.

– А стоило бы, – не без иронии бросил он.

Светоотражающие темные двери открылись перед ней ав-

томатически, и она шагнула за территорию, где прежде была в абсолютной изоляции. Тяжелый спертый воздух ударил ей в лицо и сдавил грудь. Она попыталась вдохнуть его, но закашлялась.

– Думала, за тысячу с лишним лет здесь ничего не изменится? – Маркус остановился рядом. – Я тоже так думал. Привыкай: чистый воздух здесь большая редкость.

Она подняла глаза и в первый раз взглянула на новый мир не через стекло своей комнаты. Высотные зеркальные здания, потоки машин, мчащиеся над головой в бесконечном числе рядов, вздымающихся вверх за самую границу облаков. Здесь не было ни деревьев, ни зелени, только стальные, бетонные, зеркальные и блестящие здания – холодные и величественные хозяева этого чужого мира.

– В городе есть парки? – немного отдышавшись, спросила она.

– Есть, но очень мало. Как-нибудь я свожу тебя в один из них, – пообещал Маркус.

– Где твоя машина? – не поняла Кайлин, глядя на пешеходную зону перед Центром криогенезации и проезжую часть метрах с десяти от нее, на которой редко, но появлялись автомобили.

– Не волнуйся. Сейчас ее подадут.

Они подошли к дороге, и через несколько мгновений к ним подъехала черная блестящая машина с известным логотипом «Мерседес». Со стороны водительского сидения вы-

шел один из тех, кого она часто встречала в Центре.

Они все, по странной прихоти конструкторов, казались очень похожими друг на друга. Гладкая стальная «кожа», большие красные глаза и приветливое лицо с имитацией носа и губ. Они обладали мимикой, и каждое запрограммированное движение на их лицах смотрелось очень искренне, будто их обладатели действительно могли испытывать какие-то эмоции.

Робот подошел к ней и, улыбнувшись, представился:

– Мое имя Ено. А ваше – Катерина?

– Без акцента? – удивилась она.

– Одна из моих программ. Если вы захотите, я смог бы с вами поговорить на русском.

– Это лишнее, тем более, что русским языком больше никто не пользуется, – на чужом языке ответила она.

– В вашем голосе я различаю нотки депрессивного настроения, – робот слегка наклонился и изобразил озабоченность на искусственном лице. – Мне стоит беспокоиться?

– Ено, тебе стоит замолчать и больше меня ни о чем не спрашивать, – отрезала Кайлин и отвернулась к машине.

Робот склонил голову на бок и улыбнулся.

– Как пожелаете.

Ее усадили на заднее сидение автомобиля. Ено и Маркус сели впереди.

– Почему ты сел за руль, а не робот? – удивилась Кайлин.

– Потому что это моя машина, а не Ено, – Маркус подмиг-

нул ей в зеркале заднего вида. – Поедем по земле. Боюсь, к полетам ты еще не готова.

– Меня не укачивало в самолетах, – она пыталась найти ремень безопасности на сидении, но кажется, его там не было.

– Поверь, свою первую поездку в атмосфере на автомобиле ты запомнишь навсегда, – пообещал Маркус и коснулся светящейся полосы, которая замигала прямо над его головой.

Кайлин только хмыкнула в ответ и запрокинула голову: полоска со значком ремня безопасности призывно подмигивала синим свечением. Кайлин коснулась ее пальцем и вздрогнула. Лямки ремня безопасности выстрелили из-за сидения и мягко опустились на ее грудь, автоматически фиксируясь, где это необходимо, и абсолютно не стесняя в движениях. Спустя несколько минут она и вовсе забыла о том, что пристегнута.

По ее меркам, Маркус водил машину отвратительно. И даже несмотря на скоростной режим, предписывающий двигаться не более девяноста километров в час, к езде на такой машине по пустынным асфальтированным улицам города, где все движение концентрировалось над головой, Маркус, казалось, не был готов.

– Почему здесь нет машин? – спросила Кайлин.

За Маркуса ответил Ено:

– В атмосфере скорость передвижения не ограничена, то-

гда как здесь существует свой лимит.

– Поэтому все полагают, что доберутся по воздуху быстрее?

– Конечно, – кивнул робот.

– Как долго нужно обучаться, чтобы получить права? – она пытливо изучала искусственное лицо Ено.

– Если в прошлой жизни у тебя были права, то для наземного транспорта их получать не обязательно: всего лишь следует обратиться в архив, чтобы Центр криогенизации подтвердил это документально.

– А при чем здесь Центр? – не поняла Кайлин.

– В его архивах хранятся все личные дела вновь пробужденных, – объяснил Ено. – Они засекречены и принадлежат Центру.

– И мое тоже?

– И твое тоже, – кивнул робот.

Кайлин задумалась над таким странным положением вещей. Неужели у Центра криогенезации столько полномочий, что даже водительские удостоверения он вправе выдавать?

– А какие у меня права? – спросила она. – Кто я вообще в этом мире?

– Тебе не объяснили элементарных вещей? – голос Маркуса показался ей слишком удивленным.

– Наверное, я не особо упорствовала с вопросами, – призналась она.

Маркус осуждающе покачал головой:

– Пока ты не прошла тест на интеграцию, за тебя несет ответственность Центр или доверенное лицо. Тебя не могут осудить или подвергнуть наказанию, потому что ты не являешься гражданином этого общества.

– А ты гражданин? – Кайлин перевела взгляд на отражение Маркуса в зеркале заднего вида.

– Да. Три года назад я сдал экзамены и защитил диплом даниила второго уровня.

– Судьи? – она вкинула брови.

– Да, судьи.

– А кем ты был в прошлой жизни? – она чуть наклонилась вперед, задавая этот вопрос.

– Прокурором, – ответил Маркус.

Кайлин рассмеялась и откинулась на спинку сидения:

– То есть тебя повысили в должности?

– Не совсем так. Раньше судебная власть была отдельной ветвью власти, – начал объяснять Маркус. – А сейчас полиция упразднена. Есть только даниилы, которые и расследуют, и выносят приговор.

– Какая благодатная почва для коррупции.

– Не все так просто, – вторил Маркус. – У каждого даниила есть определенный правовой уровень. Я пока защитил только второй и могу осуждать за нетяжкие преступления. Даниилы первого уровня не могут выступать обвинителями точно так же, как и выносить приговор.

– А высший может убивать? – предположила она.

– Осудить на смерть может и даниил третьего уровня, – вкрадчиво произнес Маркус. – Четвертый уровень – самый высокий среди нас. Эти даниилы вершат суд за самые тяжкие преступления. Высшим уровнем обладает только один человек в стране – Верховный даниил. Он-то нами всеми и руководит.

– В общем, суть дела не изменилась. Разница в том, что сегодня кто-то дознаватель, а завтра – судья.

– Ты все правильно поняла, – подтвердил Маркус.

– За мной должен был приехать некий Гийон Самари. Какой у него уровень?

– Четвертый, – Маркус слишком тяжело вдохнул для такого простого ответа.

– И я нахожусь в его юрисдикции? – Кайлин прищурилась, продолжая внимательно следить за его реакцией.

– Да, пока не станешь гражданином или он не передаст опеку кому-нибудь другому.

– И когда я смогу увидеть своего опекуна?

– Завтра. Скорее всего, – поспешно добавил Маркус. – Когда выйдешь на работу.

– Ненавижу все эти дела... – Кайлин едва не застонала от обреченности.

– Тебе уже доводилось работать аналитиком?

– Теперь это так называется? – засмеялась она.

– А как это называлось в твоё время?

Маркус слишком резко крутанул руль, и Кайлин едва не

ударилась плечом о дверь.

– «Приведите сюда Катерину. Немедленно!», – вот как это называлось.

– То есть ты не была следователем?

– Нет, не была, – она отвернулась к окну.

– А кем тогда была?

– Что, в личном деле не написано?

Маркус замялся.

– Ага, почитать, значит, не дали, – сделала вывод Кайлин.

– Материалы засекречены. С ними знаком только Гийон.

– Ну тогда у него и спроси, кем я была.

Тем временем они въехали в совершенно другой район города, который разительно отличался от всего, что они проезжали ранее. Этот уголок города словно переместился сюда из прошлого.

Белые кукольные домики выстроились в ряд у широкой дороги. Аккуратные, подстриженные газоны и кустарники. Кое-где деревья и цветы. Низкие декоративные заборчики перед каждым домом и старомодные почтовые ящики, неизвестно зачем стоящие здесь.

– Не хватает только домохозяек, мирно болтающих друг с другом, – засмеялась Кайлин

– Нравится это место? – Маркус мельком взглянул на нее в зеркало.

– Не знаю. Театрально как-то, неправдоподобно.

– Это один из самых дорогих кварталов города.

– А самый дорогой – дворцы, выстроенные в ряд? – серьезным тоном выдала она.

Маркус и Ено оценили шутку, засмеявшись в голос.

– Нет, самые престижные районы города – это Северный и Южный парки, – пояснил Маркус.

– Жить на опушке теперь до неприличия дорого? – Кайлин наклонилась к его сидению и выглянула из-за плеча.

– Да, если лес вокруг настоящий, а не голографический.

– Где же тогда буду жить я? В картонной коробке под мостом?

– Не говори ерунды, – Маркус поморщился. – Здесь, конечно.

– Здесь?

– Все пробужденные здесь живут, – он сказал это тем тоном, которым втолковывают прописные истины.

– Выходит, за все это время ничего не изменилось, – Кайлин озадаченно покачала головой. – Выживают лишь те, кто заплатил. Для остальных этот путь закрыт. Нечестно, не правда ли? – рассуждала она. – Почему бы не спасти обреченного ребенка или беременную женщину? Зачем, разве от них будет какой-нибудь толк? Нет. И вот проходит тысяча лет, а мир по-прежнему стоит на коленях перед золотым тельцом.

Маркус и Ено обернулись к ней.

– Ты лучше на дорогу смотри, а не на меня, – напомнила ему Кайлин и сложила руки на груди.

– Не забывай, что я тоже пробужденный.

– Говоришь, прокурором был? – с вызовом бросила она. –

Много денег сберег?

– Достаточно.

– Почему же решил второй шанс купить? Не успел все дела завершить? – ее тон явно стал враждебным.

– Я согласился просто так, – Маркус сильнее сжал пальцы на руле. – Шансов все равно не было. А деньги... Кому они нужны после смерти?

– Живым, у которых их нет, – ответила Кайлин.

– Но ты сама ничем не отличаешься от меня, – в голосе Маркуса сквозило раздражение. – Сколько ты отдала корпорации за процедуру?

– Нисколько, – ответила Кайлин и отвернулась.

– Что, смотреть правде в глаза тяжело? Проще других осуждать?

– Вы заслуживаете осуждения.

– А ты – нет?

– Даже большего, чем ты можешь себе представить... – ответила она.

Ее новый дом оказался просторным двухэтажным сооружением, таким же кукольным снаружи, как и все соседние. Белый, с зеленой лужайкой и железным почтовым ящиком

возле заборчика. Только зайдя внутрь, она поняла, что фасад коренным образом отличается от содержания. Толстые стеклянные стены, автоматическая подсветка пола и потолка, многочисленные приборы и сенсорные компьютерные экраны, которыми она научилась пользоваться в Центре для связи с медицинским персоналом. Все чужое, странное и не вполне понятное.

– Нравится? – спросил Маркус, осматриваясь вокруг.

– Нет. Никогда не любила хай-тек.

– Все эти устройства значительно облегчают жизнь, – он провел пальцем по сенсорному датчику, и освещение стало ярче.

– У меня вся жизнь уйдет на ознакомление с инструкциями по эксплуатации, – заметила Кайлин и прошла в гостиную.

На первом этаже помещение условно можно было разделить на три зоны: холл, гостиную и кухню. В гостиной, кроме большого светлого кожаного дивана и стеклянного столика, стоящего на белом ковре, не было ничего. Здесь же, отделенная от остального пространства толстой стеной, высотой около метра, располагалась кухня. Кайлин обогнула декоративную преграду и первым же делом открыла большой двухкамерный холодильник: пакет молока и два бутерброда с ветчиной явно приуныли в скромной компании друг друга.

Пробежавшись взглядом по стальным створкам многочисленных кухонных шкафчиков, Кайлин заглянула в один

из них: тарелки и чашки, стоящие внутри, ничем не отличались от тех керамических, которыми она привыкла пользоваться. Она подошла к электрической плите, оценила ее большую электронную панель управления с множеством кнопок, бросила взгляд на духовой шкаф, вмонтированный рядом, и скептически посмотрела на странную «микроволновку», стоящую на нем. Этот прибор был похож на стеклянный куб с кнопками на передней панели. Кайлин указала на него пальцем, и Ено, увидев ее замешательство, тут же пришел на помощь.

– Это микроволновый преобразователь. Есть продукты, которые продаются в готовом виде в специальных пакетах. Вы должны положить этот пакет в шкаф и задать программу, указанную на упаковке.

Ено приблизился к одному из шкафчиков и открыл его. На полочках аккуратно были разложены какие-то блестящие пакеты. Он достал один из них и прочитал надпись: «Картофельное пюре с индейкой». Затем подошел к «коробке», положил в нее пакетик и нажал на несколько кнопок, светящихся на передней панели прибора: вспышка синего света мигнула внутри, и Кайлин увидела, что пакет заметно увеличился в объеме. Ено достал его и раскрыл. Внутри на блестящей подставке лежала порция картофельного пюре и кусочек индейки, от которых в воздух поднимался пар.

– Вот, можете попробовать!

Она подошла к странному угощению и понюхала его.

– Не похоже на настоящую картошку, – заметила скептически и, набрав немного пюре на палец, осторожно попробовала угощение. – Какая гадость! Настоящая резина!

– Здесь содержится набор необходимых питательных веществ, – пояснил Ено.

– Это невозможно есть, – отмахнулась Кайлин. – Химия сплошная.

– А я привык, – хмыкнул Маркус.

– Хорошо хоть в Центре еда была настоящей, – только и ответила она. – Ладно, ребята, можете идти.

Маркус и Ено удивленно уставились на нее.

– А покупки? – возмутился Маркус. – Да и дом мы еще не осмотрели.

– В другой раз. Я хочу отдохнуть.

– А магазин? Тебе завтра на работу. Не пойдешь же ты в этом? – он указал пальцем на ее зеленую больничную пижаму.

– Это не твои заботы, Маркус. Я хочу, чтобы вы немедленно отсюда убрались! Вон! – приказала она.

Ено и Маркус только переглянулись и, ничего не говоря, вышли из дома.

– Ну и мегера! – пожаловался Маркус роботу, садясь в машину.

– У нее депрессия, такое поведение оправдано.

– Ты останешься здесь?

– Да, – Ено склонил голову, словно верный дворецкий пе-

ред лицом своего нанимателя. – Гийон поручил мне постоянно за ней наблюдать.

– И где ты обоснуешься? – Маркус опустил стекло в машине и еще раз присмотрелся к скромному убранству прилегающей к дому территории.

– Вон под тем кустом, – Ено указал на низкий зеленый кустарник под окнами.

– Замечательный ты агрегат! – рассмеялся Маркус. – Ни холода не боишься, ни спать не надо. Завидую я тебе.

– Не стоит. Это – моя работа.

– Ладно, я поехал, – Маркус завел двигатель автомобиля. – Франческа наверняка уже заждалась.

– Твоя любовница ждет тебя дома? – Ено склонил голову на бок.

– Боже упаси! – Маркус перекрестился. – Я не привожу их домой. Это мой шалаш, там им делать нечего.

– Тогда до завтра, Маркус.

– Пока, Ено. Заеду утром. Звони, если что.

– Хорошо. Маркус? – Ено внезапно запнулся, как будто программа его сознания только что обновилась.

– Да, – Маркус не торопился поднимать боковое стекло, давая роботу время «перезагрузиться».

– Тебе не кажется, что эта девушка очень необычная? – Ено наклонился к Маркусу и внимательно смотрел на его лицо.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Она красива, но на тебя не произвела впечатления.

– Это как? – Маркус даже поморщился, все еще не понимая, причем здесь он и его впечатления?

– Ты не оценил ее как привлекательную женщину, – Ено снова склонил голову на бок.

– Не могу сказать, что она ужасна, но рядом с Сианной, – Маркус поднял вверх указательный палец, – которую я нахожу привлекательной, ей лучше не стоять.

– И в этом твоя главная ошибка, – робот резко разогнулся.

– Тебе виднее, Ено. Наверняка ты уже смоделировал в своем электронном мозгу всевозможные образы этой «красавицы», – он шутливо покрутил пальцем у виска.

– Я определяю красоту, исходя из биометрических параметров. Ее тело и лицо симметрично на девяносто два процента, что означает, что ее внешность на семь процентов более совершенна, чем у Сианны, – Ено даже прижал пальцы к подбородку, копируя человеческую задумчивость. – Однако, при этом ты не счел Кайлин красивой. Что же я упустил?

– Мужчина не оценивает женщину по симметрии лица. Она может быть вообще не симметричной, и в этом будет заключаться ее привлекательность. С Кайлин дело совсем в другом, – Маркус прищурился одним глазом, как будто в него дым попал. – Эти светлые волосы и бледное лицо на фоне зеленого больничного костюма смотрятся просто ужасно. Кроме того, она какая-то слишком худая и скрюченная. Бесформенная, короче. А грация, кокетство? – Маркус осужда-

юще покачал головой. — Ты видел, как она ходит?

— Мне интересна твоя точка зрения, Маркус, — Ено почти-точно кивнул. — Я обязательно подумаю над этим.

— Думай. Потом поделишься своими выводами.

Катерина обошла весь особняк за десять минут. Три спальни наверху, гардеробная, две ваннные комнаты и веранда на заднем дворе с видом на забор. Самым уютным помещением в доме ей показался подвал, вход в который был спрятан в нише под лестницей. Он был обит деревом, и там горел приглушенный теплый свет. Все было хорошо, пока она не подошла к окну вверху стены и не поняла, что это — бутафория. Привычная дрожь пробежала по телу, и Катерина быстро покинула злосчастное помещение.

Маркус оказался прав: кроме больничного костюма, любезно подаренного ей Центром, вещей у нее не было. Она долго осматривала электронные приборы внизу, пока не наткнулась на какой-то блестящий обруч. Сначала она надела его на голову, но тут же, осознав ошибку, сдвинула на глаза. Впереди, откуда не возьмись, появился экран компьютера и клавиши, парящие в воздухе. Она попыталась разобраться в программе и, спустя еще двадцать минут, наконец, вышла в мировую электронную сеть.

Через час заказ на доставку одежды, еды и элементарных

средств гигиены был готов. Срок доставки – не более трех часов. Что ж, делать было нечего, и Катерина решила найти телевизор. Усевшись на диван в гостиной, она задумалась над тем, где же все-таки расположен этот объект «всемирного тяготения» и как его включить.

– Телевизор, черт побери! – воскликнула она, как вдруг перед ее глазами возникла проекция экрана с большим числом каналов на нем. – Новости, – произнесла Катерина, и ее выбору престало пять каналов с различными репортажами.

Она выбрала тот, где диктор рассказывала о подписании какого-то договора между континентами.

За три часа ожидания она узнала, что на Земле до сих пор кто-то голодает, что в Африке строят очередную термоядерную энергетическую станцию, что жители Америки пострадали от нового урагана, а в Европе, где она находилась, расширен круг лиц, имеющих право на гражданство.

И теперь она поняла, что за тысячу с хвостиком лет кардинальным образом ничего не изменилось: люди по-прежнему верили в Бога, не имея реальных доказательств его существования, и все еще задавались вопросом, существует ли разумная жизнь во Вселенной, кроме земной.

В дверь позвонили, и она рывком бросилась ее открывать.

Ено с лужайки ее собственного дома наблюдал за тем, как несколько молодых людей перетаскивают из грузовичка какие-то коробки с вещами. «Что ж, по крайней мере, девушка разобралась с тем, как можно делать покупки», – подумал он

и автоматически улыбнулся.

Глава 2

«Я никогда не считала себя привлекательной. Постепенно я перестала и следить за собой. Почему? Потому что внимание людей, а особенно мужчин, сделало бы мое существование окончательно невыносимым. Я превратилась в собственную тень, которую замечали лишь те, кому это было необходимо. Не верь, если кто-то скажет, что ему все равно, как к нему относятся. Каждый хочет быть особенным и красивым, пусть даже для одного человека, но все же хочет...»

Из разговора от 17.11.3565

В девять часов утра группа Гийона, как всегда, собралась в кафе на первом этаже Центра управления даниилами. Это была хорошая традиция – начинать рабочий день с завтрака в неофициальной обстановке. Не хватало только Маркуса, Ено и новой подопечной, от появления которой Гийон ничего, кроме очередных проблем, не ждал.

– У нас новый эпизод, – он начал свой монолог. – Недалеко отсюда. Молодая одинокая пробужденная.

– Пятая, – прокомментировала Сианна, очень привлекательная девушка лет тридцати с длинными малиновыми волосами.

– Позавтракаем и поедem, – Гийон открыл меню. – Груп-

па криминалистов уже поработала. Так что место происхождения в нашем распоряжении.

– Где Маркус? – не без неприязни спросил Рихтор, высокий сбитый мужчина, на вид не старше тридцати пяти, сидящий возле Сианны и плотоядно смотрящий на нее.

– Рихтор, прекрати так вызывающе поглядывать на свою жену, – Гийон перелистнул страницу, бегло изучая список блюд, которые обновляли каждую неделю.

– Прости.

– Проехали. Кайлин проспала, поэтому они с Ено задерживаются.

– Ей честь оказали, – забурчала Сианна, пристраивая модную светящуюся разными огнями сумочку на стуле за своей спиной, – а она поспать решила?

– Судя по всему, это назначение ее мало интересует, – подытожил Гийон и закрыл меню, определившись с выбором. – Как же я их всех ненавижу!

– И Маркуса? – ехидно заметил Рихтор, постукивая пальцами по стеклянной столешнице, внутри которой сегодня плавали голографические рыбки и желтые кувшинки.

– Маркус – исключение, подтверждающее правило, – усмехнулся Гийон.

Дверь в кафе распахнулась, и в нее вошли трое. Ено и Маркуса узнали все, а вот существо, что шло за ними следом, они никак не ожидали встретить в приличном месте.

Девушка, на вид лет двадцати пяти, была одета, как ни-

ценка. Синие свободные джинсы, серая майка, легкая куртка поверх и ботинки на низком ходу. Половину лица закрывали темные очки, из-под которых выглядывал небольшой нос. Губы тонкие, правильной формы. У девушки были длинные светлые волосы, собранные в хвост, и белая, словно лист ватмана, кожа. Вышагивала она, как настоящий мужик: размашисто и уверенно, и это несмотря на всю сутулость ее и без того хрупкого тела.

Смотреть было не на что. Ни груди, ни бедер – вообще ничего. То ли одежда была ей не впору, то ли прятать под ней действительно было нечего, но Сианна поняла одно: даже деньги не помогли этому существу стать похожей на женщину.

Гийон вопросительно посмотрел на Маркуса, но тот только пожал плечами и усмехнулся.

Кайлин подошла к круглому столику с рыбками и кувшинками и едва не открыла от удивления рот, в упор глядя только на одного человека.

Он был... Кем же он был? Роботом? Мужчиной? Красивые и строгие черты лица искажала граница его собственной кожи, плавно переходящая в какую-то мерцающую, поблескивающую непонятными электрическими разрядами поверхность. На глаза был надет узкий темный обруч, напрочь лишаящий окружающих возможности понять, какого цвета у мужчины радужки. Волосы коротко острижены и выбриты на затылке, образуя затейливый узор из прерыви-

стых линий и полуколец, совсем как у Маркуса, только темно-красного цвета. Блестящая «кожа», как она бы ее назвала, начиналась у правого уха, подкрадывалась к кромке губ и разрезала подбородок, покрывая всю его шею. Да, он был красив, этот мужчина. Когда-то был... Густые темные брови, прямой ровный нос. Высокие скулы и мощный подбородок. Аккуратные, не слишком полные губы и смуглая кожа.

Она невольно протянула руку, чтобы прикоснуться к этому мерцанию на его лице, совершенно забыв о правилах поведения с незнакомыми людьми, но он резко перехватил ее кисть и настолько сильно сжал в своей стальной в прямом смысле ладони, что Кайлин выгнулась от боли.

– В следующий раз, когда вздумаешь прикоснуться ко мне, спрашивай разрешения.

– Извините, – выдавила она из себя, и Гийон отпустил руку.

Растирая онемевшую ладонь, Кайлин начала рассматривать всех остальных. Высокий мужчина напротив странно-го человека был довольно симпатичным. Темные волосы аккуратно зачесаны назад. Лицо жесткое, каменное, с крупными чертами. Девушка рядом с ним была похожа на фотомоделю. Первыми бросались в глаза длинные малиновые волосы. Этот цвет ей шел, подчеркивая смуглую бархатистую кожу. Красивые, темные как ночь, миндалевидные глаза; длинные ресницы, похоже, что накладные; небольшой аккуратный носик и сочные губы. Девушка была высокой с объ-

емными формами, подчеркнутыми малиновой под цвет волос блузкой с вызывающим вырезом и странными высокими плечиками, собранными в «фонарики». Мужчины были одеты практически одинаково: черные короткие кожаные куртки с рукавами-гармошками, такие же кожаные штаны, как рукава курток, и белые рубашки с расстегнутыми воротами.

– Познакомьтесь, – наконец разрядил обстановку Маркус, – это Катъеирина.

– Коверкать собственный язык мы не будем, – оборвал его мерцающий мужчина. – Эквивалент твоего имени в современном языке – Кайлин, поэтому привыкай.

– Вы, насколько я поняла, и есть мой опекун? – спросила она.

– Да, меня зовут Гийон. Это Рихтор и его жена Сианна.

– Очень приятно, – Кайлин протянула ладонь Гийону, чтобы поздороваться, но тот только отвернулся в ответ. Тогда она наклонилась к Рихтору и, увидев, как тот засмеялся ей в лицо, опустила руку.

– Рукопожатие – знак уважения. А ты здесь – никто! – отчеканила Сианна и вызывающе улыбнулась.

Кайлин никак не ожидала такого приема. Кем она была для них? Человеком? А разве можно так вести себя с человеком?

Ее подбодрил Маркус, который, уложив тяжелую ладонь на ее плечо, придвинул стул и усадил Кайлин за стол.

– Тебе все-таки не нравится твое новое имя? – мягко

спросил он.

– Мне все равно, – ответила она и, казалось, согнулась еще больше.

Гийон смотрел на это «чудо в перьях» и задавался вопросом: какого черта Цемеи понадобилось от этого пугала? Пробужденная не производила впечатления сильной женщины. Она была убогой во всем: в своих движениях, манере держаться и в собственном внешнем виде. Гийон мог бы разглядеть ее глаза за этой оправой, да и что там говорить, он мог бы обмерить ее фигуру под всей этой одеждой, но девица настолько не привлекла его внимания, что он даже не стал напрягаться.

– Сегодня тяжелый день, – прервал тишину Гийон, – очередной эпизод. Давайте побыстрее осмотрим место происшествия и приступим к оформлению документации.

– Могу я выпить кофе? – неожиданно для всех перебила его Кайлин.

– Те, кто опаздывают на работу, лишаются такой привилегии.

– Что ж, тогда можете считать, что я вообще сегодня не явилась, – спокойным тоном ответила она и поднялась из-за стола.

– А вот и коготки! – засмеялась Сианна и подмигнула Гийону.

– Сядь на место! – ледяным тоном отчеканил он, и Кайлин, вопреки первоначальному порыву, опустилась назад. –

Вбей себе в голову одно правило: в твоей жизни теперь все определяю я. У тебя нет прав, нет желаний и нет свободы. Ты все поняла?

– Я – человек, и свободна с рождения, – произнесла она с достоинством.

– Ты была человеком, а теперь ты – пробужденная. Объясню по-другому: если ты не будешь делать то, что тебе говорят, я отправлю тебя обратно в Центр, объявлю нестабильной, и на этом твоя новая жизнь в этом мире будет окончена. Ты все поняла?

Испугалась ли она его слов? Нет, она не боялась смерти. Но осознание того, что у нее нет никаких прав, ее потрясло. Рабство? Она в рабстве?

Кайлин повернулась к Маркусу и посмотрела на него. Он не мог видеть, сколько боли выражали ее глаза, но явно почувствовал, что ей плохо. Маркус едва улыбнулся и ответил:

– Относись к этому, как к этапу в своей жизни. Никто не причинит тебе вреда. Просто Гийон пытается сказать, что он в ответе за тебя, и отныне тебе придется ему подчиняться. Мы не должны опаздывать на работу.

– И из-за опоздания я лишусь завтрака и буду смотреть, как едите вы все? – возмутилась Кайлин.

Гийон приподнял одну бровь и посмотрел на это сгорбленное существо.

– Какой ты хочешь кофе? – спросил он.

– Латте, двойной.

– Что? – не понял он.

– Вам не знакомо слово «латте»? – Кайлин наклонилась вперед. – Это кофе с горячим молоком.

– А-а-а, – Гийон даже голову запрокинул. – В наше время он называется «кофе с горячим молоком».

– Пусть будет так.

– Латте, – хмыкнул он. – Дженни, – позвал Гийон, – принеси нашей госпоже латте, пожалуйста!

Девушка-официантка, к которой он обращался, удивленно уставилась на него:

– Что, простите?

– Вот видишь, – он повернулся к Кайлин, – здесь не знают таких слов. Научись выражаться без этих своих оборотов.

– Как же узнать, что они никому не известны? – она потерзала на стуле.

– Поинтересуйся у Маркуса, все-таки вы с ним почти ровесники.

Маркус впери́л взгляд в голограмму рыбок в столешнице, чтобы больше не испытывать это чувство стыда перед пробужденной. Да, Гийон был обладателем редкого заносчивого характера, а если учесть, что и судьба этого человека наложила на его личность определенный отпечаток, получалась весьма взрывоопасная смесь.

Через минуту девушка принесла ей большой картонный стаканчик с кофе, который по аромату мало чем походил не то что на латте, а на кофе в принципе. И насколько бы ни

было сильным ее желание выпить это пойло, она не стала его пробовать.

– Чего же ты не пьешь? – спросил Гийон, когда все поели. – Или опять что-то не так?

– Ничего, – ответила она и полезла в карман за стеклянной карточкой.

– О, ну это совсем другое дело! – он откинулся на спинку стула из мягкого пластика и вытянул ноги. – Сегодня Кайлин оплачивает наш завтрак. Спасибо, дорогуша!

Она больше не смотрела на него. Официантка забрала карточку и вскоре принесла прибор с сенсорным экраном. Катерина знала, что нужно приложить к нему палец, чтобы просканировать отпечаток.

– Ну, а теперь пора выдвигаться, – объявил Гийон, поднимаясь с места.

Маркус подошел к Кайлин и, наклонившись к самому уху, спросил:

– Может, возьмешь кофе с собой?

– Спасибо, Маркус, не нужно, – прошептала она и встала из-за стола.

– Поедешь с Ено! – бросил напоследок Гийон и направился к выходу.

Маркус нагнал его у самой машины:

– Зачем ты так с ней?

– Как «так»? – Гийон оперся спиной о водительскую дверь.

– Она ничего нам не сделала. Подумаешь, опоздала? Кто из ребят не опаздывал?

– Маркус, посмотри на нее, – он указал на сторбленное существо, шествующее рядом с Ено по парковке. – Какой из нее аналитик? Того и гляди, грохнется на пол при виде места преступления. В лучшем случае ее стошнит.

– Ну и что? – не отставал друг. – Она же не выбирала эту должность. Девушка вообще очень странно ведет себя. И она вполне способна была язвительно ответить тебе в кафе, хотя и не стала этого делать.

– Хочешь сказать, что у этого существа есть характер? – Гийон склонил голову и исподлобья уставился на Маркуса.

– Да, вчера она была более разговорчивой, чем сегодня.

– Что же с ней произошло?

– Мы напугали ее.

– Ничего, переживет, – Гийон хотел открыть дверь машины, но Маркус его остановил.

– Это неправильно! Ей тяжело, и мы должны это понять.

Гийон был готов выматериться и послать друга по соответствующему адресу, но потом вспомнил, что сейчас утро, а начинать день с финальной фразы ссоры – плохая примета.

– Слушай, чего ты так волнуешься за эту миллионершу?! – он оперся локтем о крышу своей «малышки» и медленно вдохнул.

– Она из простых, – настаивал Маркус.

– Не смеши меня.

– Говорю тебе. Я не первый раз забираю пробужденных. Сам таким был. Первое место, куда они едут – это банк. А Кайлин поехала домой.

– Это еще ничего не значит, – напомнил Гийон.

– Она не знает, сколько на ее счету денег, – Маркус произнес это шепотом, искоса поглядывая на Кайлин. – Она вообще ничего не знает.

– Но средства на криогенизацию она все-таки нашла?

– Все равно что-то с ней не так.

Гийон обернулся и тоже посмотрел на Кайлин. Девушка вышагивала рядом с Ено, спрятав руки в карманы. «Слишком убогая для богачки», – подумал он и громко окликнул ее.

Она подняла голову и выпрямилась, остановившись. Он почему-то непроизвольно отпрянул, едва не задев Маркуса плечом.

– Поедешь со мной, Кайлин.

Она едва заметно кивнула и направилась к его ярко-красному автомобилю.

– Веди аккуратно. Она не привыкла летать, – напомнил Маркус.

– Сам знаю, – буркнул в ответ Гийон и сел в машину.

Кайлин плюхнулась на переднее сидение «Ягуара» и сразу же пристегнула ремни, нажав на мигающую над головой полосу.

– Водила когда-нибудь автомобиль? – весьма недруже-

любным тоном поинтересовался Гийон.

– Да, когда-то.

– Значит, и таким управлять сможешь.

– Тут много приборов, – она указала на электронную панель и кучу кнопок под ней.

– Разберешься, если не дура.

Он завел двигатель, и на Кайлин обрушился рев музыки. Это был тяжелый рок в исполнении симфонического оркестра. Женский голос под сопровождение ударных, виолончелей и духовых пел о неразделенной любви и ненависти к бывшему объекту притязаний. Катерина и сама любила громко включать музыку, когда садилась за руль, но этот удар по ушам даже ей пришлось не по вкусу.

Она повернулась к Гийону с намерением попросить убавить звук, но не успела. Ее вдавило в мягкое кожаное сидение, как парашютиста в асфальт, и перед глазами замелькали здания бизнес-квартала, куда они приехали утром.

– А-а-а!!! – заголосила она, понимая, что на таких скоростях еще не ездила по земле, как вдруг машину дернуло вверх, и через несколько мгновений они врезались в границу облаков.

– Боже, помоги, – прошептала Кайлин, когда опекун начал маневрировать сквозь потоки машин, которыми кишело все пространство вокруг, и красочно выругалась на родном языке, когда он рванул вниз, приземлившись на подъездной дороге к очередному фешенебельному району.

– Ну что? Уже тошнит или потерпишь до места? – спросил Гийон, остановив машину.

– Потерплю, – страдальческим голосом ответила Кайлин, но тут же отстегнула ремни безопасности и вылетела наружу.

Обочина была не лучшим местом для рвотных спазмов, но в той ситуации ей не из чего было выбирать.

Гийон подошел к ней со спины и вперил взгляд в сгибающееся над землей тело. Странно, но он все же сочувствовал ей, тем более что и тошнить Кайлин было особо нечем.

– Вода есть? – спросила она, все еще стоя согнувшись.

– Сейчас принесу.

Он достал из салона бутылку с питьевой водой и протянул ей. Кайлин сняла темные очки и, прополоскав рот, сплюнула прямо на дорогу.

Гийон смотрел на эту девушку и не мог понять, что с ним происходит. Не было в ней ничего особенного. Все вроде бы та же хрупкая фигура и грустное лицо. Но глаза... Таких глаз Гийон еще не видел. Темно-синие, насыщенные своим тоном настолько, что, казалось, сейчас превратятся в озера под ее длинными ресницами. Гийон вздрогнул от этого взгляда. Обреченность, мука и тоска одновременно смотрели на него из недр ее души. И та же грусть, что сквозила в каждом движении ее тела.

– Все? – спросил он, отворачиваясь.

– Да, спасибо.

– Не за что. А теперь поехали.

В молчании они добрались до нужного дома. Вокруг толпились зеваки и сновали люди, в таких же черных костюмах, как у Гийона.

– В первый раз можешь не заходить, – с презрением и какой-то жалостью произнес он.

Кайлин не просила жалеть себя, особенно если это презренное сострадание исходило от того, кто явно ее ни во что не ставил.

– Если помощь такой, как я, вам не нужна, зачем меня вообще позвали?

Гийона это разозлило. Он пожалел ее, а она, мало того, что не приняла его великодушного предложения, так еще и огрызнулась в ответ.

– Тоже мне, помощница. С твоим уровнем знаний тебе только полы мыть, да и то, фейсконтроль не пройдешь. Так что скажи спасибо, что моя группа, и я в частности, приняли тебя. А теперь, незаменимая ты наша, отрывай свой тощий задок от сидения и молча шагай за мной. Если хоть на шаг отойдешь или что-нибудь тронешь на месте преступления, я с тебя три шкуры спущу. Все поняла?

Она даже не стала отвечать. Его пафосная речь и так объяснила ей, где именно ее место. Когда-то таким же тоном с ней говорил совсем другой человек, и тому сукиному сыну, она смогла ответить. Здесь, в этом времени, она была никем, а потому и ответ ее мало кого интересовал.

Он вышел из машины и направился к дому. Она побрела

за ним следом.

– Привет, Гийон, – невесело отозвался мужчина на входе.

– Что здесь?

– Как обычно. Двадцать пять лет, пробужденная. Восемнадцать ножевых и все остальное...

– Что-нибудь уже нашли? – Гийон покосился на Кайлин, топчущуюся рядом с ним.

– Ничего. Никаких следов.

– Ладно, Поль. Пойду посмотрю.

– Там смердит, как в аду, – предупредил младший даниил.

– Сколько она пролежала? – Гийон остановился на пороге.

– Сианна сказала, что около четырех дней.

– Они с Рихтором уже здесь?

– Да. Приехали минут десять назад.

– Спасибо, Поль. Ено! – позвал Гийон.

Робот беззвучно подошел к нему.

– Ты осматриваешь все, как обычно, и записываешь.

– Хорошо, Гийон, – Ено едва ли не поклонился и тут же приступил к сканированию.

Кайлин, не поднимая головы, вошла за Гийоном в темный холл. Запах разлагающейся плоти в этом замкнутом пространстве стал действительно невыносимым. Кайлин по привычке потянулась в карман за эвкалиптовой мазью, чтобы перебить эту жуткую вонь, но в последний момент одернула себя. «Глупо», – подумала она, вспомнив, что мази при ней нет. В прошлом следователи подсовывали тубики с мазью и

кивали, бери мол, не стесняйся. В этом времени добрых поступков по отношению к себе ждать не приходилось.

Холл слева переходил в гостиную, справа было подножье лестницы, ведущей на второй этаж. Гийон остановился в центре гостиной и медленно осмотрелся. Здесь все было в порядке. Каждая вещь, кажется, лежала на своем месте. И никаких следов борьбы, крови и... спермы. Он сменил фильтры в электронной системе облуча на глазах и просканировал все еще раз: да, семенной жидкости здесь точно не было.

Кайлин, в отличие от него, сразу же подошла к голографическим фоторамкам: объемные, словно живые, люди улыбались и смеялись на них. Она без труда определила хозяйку дома, которая, судя по всему, вела довольно разгульный образ жизни.

Брюнетка, невысокая, симпатичная, грудь размера четвертого (и это при таком низком росте!), округлости ниже талии в купальнике тоже смотрелись на все сто. В ее мире такие девушки пользовались особой популярностью: если они не были замужем за состоятельными людьми, то обслуживали их за хорошие деньги. Кайлин, глядя на фотографии, где жертва везде была полуголой и с бокалом в руках, перестала сомневаться в ее ремесле. Конечно, она могла поделиться своими догадками с Гийоном, но решила, что все равно потуги ее «древнего» аналитического ума он не оценит.

– Не отставай! – прикрикнул Гийон и нырнул куда-то под лестницу.

Дверь в подвал была распахнута настежь. Свет включен. Кайлин ступила на деревянную ступеньку и едва снова не согнулась пополам. Зажав нос рукой и вдыхая кислород ртом, она подавила непрошенные позывы на рвоту и начала спускаться вниз.

– Здесь тоже нет спермы, – сказал Гийон, стоя возле тела.

– Может, ее не насиловали? – просила Сианна и отошла к стене, измазанной чем-то вроде черной краски.

– Когда ты будешь ее вскрывать?

– Сегодня, – она начала внимательно изучать надпись, – дай только здесь осмотреться.

– Позвонишь мне вечером и скажешь, что накопала.

– Это будет предварительно, ты знаешь, – напомнила она.

– Знаю, Сианна.

– А где Маркус? – поинтересовался Гийон.

– Еще не приехал.

– Почему я не удивлен?

Все вдруг засмеялись, но тут же, вдохнув полной грудью смердящий аромат, закашлялись.

– Убийца оставил послание на этот раз, – перешел к делу Рихтор.

– Ублюдок вошел во вкус, – сделал неутешительный вывод Гийон. – Что там?

Сианна покачала головой:

– Не могу понять, что за язык.

– Кириллица, судя по всему, – ответил Рихтор и достал

из кармана сложенный вчетверо контактный обруч. – Сейчас позову Ено.

Кайлин посмотрела на стену и без труда озвучила строки, написанные на русском языке:

«Спи спокойно, мой малыш,
Подкрадусь я, словномышь.
Ты увидишь новый сон —
Возрождения свой стон.

Твоим криком упиваясь,
Сталью в тело вновь вторгаясь,
Я сотру с лица Земли
Оскорбления твои.

Тело вновь уж не воспрянет,
Духом новым не восстанет.
Ты заснешь здесь навсегда,
Спи спокойно, дочь моя».

– Переведи, – буркнул на нее Гийон.

– Это – стихотворение, – она указала на надпись. – Могу лишь общий смысл передать.

– Ну так передавай!

Кайлин тяжело вздохнула и попыталась перевести дословно каждую строчку. Получилось немного коряво, но суть

уловили все.

– Выходит, я был прав, – Гийон подошел к ней. – Он из таких, как ты.

Кайлин невольно обернулась и с ненавистью посмотрела на него.

– Я не убиваю людей.

– Ты пробужденная.

– Да, я – пробужденная, и, похоже, в этом мире пробуждение вызывает только ненависть и презрение.

– А чего ты хотела? – на его щеках заиграли желваки. – Вы пришли сюда много лет назад, и тут же начались беспорядки и серии убийств. Криогенизация повреждает ваши мозги, – он постучал себя пальцем по виску, – и только единицы сохраняют ясность ума и адаптируются в обществе.

– Если я стою здесь, значит я – одна из этих единиц? – Кайлин сунула руки в карманы куртки и расправила плечи.

– Ты в своем уме, по крайней мере, так считают они, – он демонстративно указал наверх, – но про адаптацию говорить еще рано.

– Удивительно, – она изобразила задумчивость на лице, – как Маркус смог с вами ужиться?

– Маркус и в прошлой жизни многого достиг. Такие люди всем нужны.

– Значит, я не отношусь к ценным приобретениям? – она хмыкнула.

– Сама ответь на этот вопрос: чего ты добилась за свою

жизнь?

Кайлин отвернулась от него и сжала кулачки в карманах куртки. Кем она была? Чего достигла? И как получилось, что в одно прекрасное утро ее «задвинули» в дальний угол и приказали молчать? Что она приобрела с этим? Деньги, что они пообещали, или уверенность в том, что умрет собственной смертью? Им даже не пришлось ее убивать. Болезнь к тому времени настолько прогрессировала, что она стала похожа на собственную тень, блуждающую между клиникой и рабочим кабинетом. Чего добилась она за свою прошлую жизнь? Многого, только не того, чего на самом деле хотела.

Кайлин приблизилась к покойнице. Темно-серое обнаженное тело, измазанное черной, уже засохшей кровью, лежало на полу на животе. Волосы сбились клочьями на затылке, руки, скрюченные и сжатые в кулаки, покоились по сторонам. Кайлин обреченно посмотрела на нее.

– Вы все одинаковы. Вы презираете, хотя сделать ничего не можете. Вы приказываете, и мы выполняем. И каждый раз, используя нас, вы не говорите «спасибо». Вам просто наплевать. Одна форма зависимости, окрашенная разными тонами возможных причин. Для нее, скорее всего, этим тоном была нужда. Наверное, кто-то из богатых сыграл с ней злую шутку, мечтая увидеть под собой и после смерти. Но шутка не удалась, и по непонятным причинам она осталась здесь одна, вынужденная зарабатывать тем, что лучше всего умела. Не мне судить. И не вам. И не ублюдку, который это

с ней сделал.

Гийон, Сианна и Рихтор посмотрели на Кайлин. Они не все поняли, но ее предположение о способе добывать деньги жертвой, действительно немного их удивило.

– Почему ты решила, что она из эскорта? – спросил Гийон.

– Достаточно красива, вполне состоятельна, одинока, при этом вращается в кругу самых разношерстных и, очевидно, богатых мужчин. Кто она? Скорее всего – проститутка.

– Невада, а не проститутка, – поправил он.

– Называйте, как хотите. Суть не меняется.

Гийон посмотрел на Рихтора.

– Проверь списки зарегистрированных невад. Возможно, она принадлежала к Гильдии.

– Вам еще нужна моя помощь или я могу идти? – уточнила Кайлин, глядя в упор на Гийона.

– Твоя обязанность – анализировать, и рабочий день еще не окончен. Так что давай, трудись.

– Ладно, – пожала плечами она и, присев на корточки перед жертвой, пальцами дотронулась до холодного тела.

– Ты что творишь? – Гийон наклонился к ней. – Я же сказал ничего не трогать.

Ее голова медленно и верно начала кружиться. Кайлин поднялась и, определив нужное направление, побрела к лестнице.

– Куда ты собралась? – произнес Гийон где-то позади.

– Плохо, – проямлила она. – Выйду подышу.

– А я уже думал, что тебя не проберет, – заметил он и ехидно улыбнулся.

Кайлин слабо помнила, как попала на задний дворик дома через кухню. У нее только и хватило сил присесть на холодные ступеньки. Несколько даниилов, что были здесь, обернулись к странно одетой пробужденной, которой явно было плохо.

– Кто это? – спросил один у другого.

– Из группы Гийона. Новенькая.

– Посмотри на нее, позорище какое-то, – буркнул первый.

– Тут все над ним смеются. Маркус еще ладно, но это?

– Гийон всегда был на своей волне.

И хотя этим двоим и казалось, что они говорят достаточно тихо, Кайлин услышала каждое мерзкое слово, брошенное в ее адрес.

– Что-то она серой стала, – заметил один из них. – Пойду все-таки, Гийона позову.

– Иди, я здесь подожду.

– Гийон, – позвал его один из младших даниилов, заглядывая в подвал.

– Чего тебе?

– Там эта, пробужденная твоя...

– И что? – Гийон сканировал подвальное помещение и от-

влекаться не собирался.

– Да как-то неважно она выглядит. Плохо ей, по-моему.

– Так подойди и узнай точно!

– Сам подходи к этому чучелу.

Гийон оценивающе посмотрел на лицо даниила, выглядывающего из-за двери, и подумал о том, что называть его аналитика «чучелом» может только он или кто-нибудь из его людей, а не этот зеленый щенок, который даже узнать толком в чем дело не может.

– Еще раз назовешь моего аналитика «чучелом», и я тебя на ночные смены переведу. Понял?

– Да, Гийон, – ответил молодой человек и скрылся за дверью.

– И ты пойдешь? – с презрением произнесла Сианна.

– Ну, ты же или Рихтор не потащитесь вместо меня?

– Нет, даже не думай, – она замахала руками.

– Значит, придется мне.

Гийон вышел на улицу, но Кайлин не обнаружил. Тогда он вернулся в дом и сквозь кухню, которая находилась возле гостиной, прошел к черному входу.

Подопечная сидела на ступеньках, держась обеими руками за голову. Ее глаза были открыты, но, тем не менее, это был не тот взгляд, что он увидел на обочине дороги. Эти глаза были пустыми и... источающими страх. словно некое безумие и ужас наполняли их.

– Кайлин? – тихо позвал Гийон, приседая перед ней.

– Тш-ш-ш, – ответила она. – Я уже проснулась. Пол в подвале холодный. Здесь темно. И я голая почему-то. Ничего не понимаю. Не помню ничего. Нужно включить свет. Вот только как подняться? Ноги не слушаются, в голове стучит. Что со мной? Кто здесь? Здесь кто-то есть? Ответьте! Кто здесь?!

Тело Кайлин согнулось пополам, и горло сдавило судорогой. Она попыталась вздохнуть, но преодолеть спазм, охвативший грудь, была не в состоянии. Ее били ножом в спину. Раз, два, три, четыре... Она потеряла счет. Боль слилась в одно целое, и разум ее погрузился в гул. Голос жертвы слился с ее собственным и стал похож на единый вопль той, которую убили, и той, что переживала ее смерть сейчас.

Гийон ничего не мог понять. Он видел, что ей больно, и схватил ее за плечи, но она продолжала корчиться в муках, обвисая в его руках.

– Сианна! – рявкнул он.

Те двое, что наблюдали за ними со стороны, бросились в разные стороны, призывая на помощь.

Он подхватил Кайлин на руки и через дом понес к главному выходу.

– Сианна! Помоги!

Сианна выбежала из подвала и бросилась навстречу. Кайлин без сознания лежала на его руках. Гийон остановился и опустил на колени. Со всех сторон к ним подбежали люди, перешептываясь, спрашивая, чем можно помочь, и не пони-

мая, что же все-таки произошло.

Шумный вдох Кайлин прервал общий гул. Она открыла глаза и в ужасе уставилась на странный обруч Гийона, склонившегося над ней.

Глава 3

«В первый раз я вообще не поняла, что произошло. Это было на похоронах дяди. Мне тогда только исполнилось двенадцать лет. Дядя лежал дома в гробу, и толпа родственников и близких людей собралась, чтобы проводить его в последний путь. Я, вслед за матерью, подошла к гробу и дотронулась до его руки. Я простояла так совсем недолго, а когда отошла, почувствовала странную боль в груди. Я видела лица людей, которых не знала и которые пытались мне помочь. Я понимала, что это происходит не со мной, что это уже было, с дядей, но изменить что-либо или приказать себе не испытывать этого не могла. В двенадцать лет я умерла в первый раз. Ты думаешь, умирать страшно? Нет, самое страшное – это жить в ожидании смерти...»

Из разговора от 06.11.3565

– Твою мать, что это было? – проревел Гийон, потерявший свое пресловутое самообладание.

– Все в порядке, меня можно отпустить, – охрипшим голосом ответила Кайлин и попыталась подняться.

Гийон не стал ее удерживать. Он присел рядом и взглянул на ее покачивающееся тело. Сутулая, уставшая, она выглядела все такой же болезненно бледной с непонятным ему, обреченным выражением на осунувшемся лице.

Никто в этот момент не назвал бы ее красивой, и Гийон не был исключением. И он знал ответ на вопрос «почему?» – в Кайлин не было жизни. Ее тело, воскрешенное по чьей-то воле и пробужденное ото сна именно в это время, потеряло душу. А может, в нем никогда ее и не было? Может, Кайлин утратила ее еще в прошлой жизни? Или душа есть, но пробужденная никак не может очнуться из забытья? Или сама Кайлин не желает, чтобы кто-нибудь по-настоящему разбудил ее?

Пробуждение... Для нее этот процесс еще не был завершен. Кайлин застряла посередине, между прошлым и будущим, и, в конце концов, должна была выбрать: просыпаться ей или уснуть навсегда.

В его мире такое состояние пробужденных являлось предвестником «нестабильности». Эти люди были склонны к тяжелым продолжительным депрессиям, расстройствам психики и самоубийству. Последним, обычно, они и заканчивали свой новый путь. Нестабильность была опасным состоянием, и, выяви он у нее первые признаки нарушения поведенческих реакций, Гийон обязан был бы сообщить об этом в Центр криогенизации, после чего жизнь этой девушки прервали бы искусственным путем. Нестабильность – это процесс, который мог перейти в болезнь или пройти бесследно. «Болезнь души» пробужденных в его мире не умели лечить, поэтому жертву просто уничтожали.

Поборники прав человека боролись за отмену этой выс-

шей меры защиты населения от пробужденных, но кроме расширения группы лиц, имеющих право на гражданство, ничего не добились.

– Ее отравили, – прервал его размышления сиплый голосок Кайлин, стоящей перед ним и нервно заламывающей пальцы.

– Ты уверена?

– Да. Она ничего не помнила и не знала, где находится.

Все окружающие смотрели на даниила четвертого уровня, единственного среди них, достигшего таких высот карьерного роста, и не понимали, о чем он говорит со своей пробужденной.

– Теперь я могу посидеть в машине? – спросила она.

– Да. Подожди меня там.

Он достал из куртки ключи и протянул ей.

Кайлин без тени сомнения выхватила блестящий брелок у него из рук и, не обращая внимания на собравшихся здесь людей, вышла на улицу.

Маркус наткнулся на нее в дверях и, пропустив вперед, вошел в дом. Вид сидящего на полу Гийона в окружении толпы даниилов его насторожил.

– Что-то случилось? – спросил он, пробираясь к своему начальнику.

– Кажется, к нам в группу попала одна из нейрами, – Гийон поднял голову и посмотрел на него.

– Нейрами? У Кайлин дар нейрами?

– Да. Только такого я еще не видел. Да и ты тоже.

– И на что она способна? – Маркус морщился от вони, стоявшей в помещении.

– Она способна пережить чужую смерть, – ответил Гийон. – В прямом смысле.

– Вот черт! Нейрами среди пробужденных – это редкость. Гийон внимательно огляделся и, неожиданно подскочив с места, прорычал:

– Чего собрались? Заняться нечем?

Все тут же разбрелись по сторонам.

– Ено! – позвал Гийон.

– Я здесь, – робот подошел к нему.

– Подними все сохранившиеся архивные материалы по периоду 2035 – 2062 годов. Газеты, новости, все, что сможешь, и попробуй найти хоть какое-нибудь описание или упоминание о ней. Невозможно, чтобы девушка с ее способностями прожила свою жизнь незаметно.

– На это уйдет очень много времени, – предупредил Ено.

– А я и не тороплю тебя.

– Как скажешь, Гийон.

– Сианна? – он указал на нее рукой.

– Я здесь.

– Возьми ее ДНК на анализ. Посмотри, что там с наследственностью. А лучше вообще обследуй ее. Может, найдем причину смерти.

– Нужно ее согласие на это, – Сианна скорчила недоволь-

ную мину.

Гийон вопросительно взглянул на подчиненную:

– Ты что, собралась ей рассказать, зачем обследуешь?

– Нет, но...

– Никаких «но», Сианна. Чтобы отчет лежал у меня на столе через неделю, – тон его голоса исключал всякие возможные препирания.

– Сделаю, Гийон, – покорно кивнула она.

– Маркус? – Гийон стал оглядываться, чтобы его найти.

– Да, – тот выглянул из-за спины Рихтора.

– Ты с ней вроде бы ладишь.

– Ну, не то чтобы... – замялся Маркус.

– Приведи ее в порядок, – Гийон указывал на него рукой и чеканил каждое слово. – Понимаю, что задача не из легких, но из нее нужно сделать человека. Женщины, конечно, уже не получится, но хотя бы приличное что-нибудь сотвори.

– Гийон! – позвал его один из даниилов, вошедший в дом.

– Что еще? – он был близок к тому, чтобы выйти из себя.

– Эта девушка, пробужденная, ты разрешил ей уехать?

Гийон, не веря собственным ушам, переспросил юнца:

– Что я разрешил?

Молодой человек срезу же подбоченился и тихо ответил:

– Она уехала только что... На твоей машине...

Кайлин добрела до красного «Ягуара» и по привычке плюхнулась на водительское сидение. Приборная доска загорелась автоматически, и приятный женский голос поприветствовал водителя. Кайлин взглянула под ноги: две педали по логике вещей должны были быть «газом» и «тормозом». Когда Гийон вел машину на взлет, он потянул руль на себя, словно штурвал самолета, из чего Кайлин сделала вывод, что ей руль на себя тянуть ни в коем случае не стоит. Она присмотрелась к приборной панели и нашла датчик, куда следовало вставить электронный брелок, чтобы завести автомобиль. О чем она думала, когда активировала неизвестный ей двигатель? О том, что очень хочет прокатиться на этой машине. Что ей терять? Чего бояться? В этом мире и в этой жизни – нечего.

Кайлин опомнилась, когда на скорости не менее двухсот километров в час выезжала за границу города. Она всегда любила скорость. Ей иногда казалось, что таким способом можно умчаться от себя, своих проблем и своей болезни. Что однажды ей повезет, и машину занесет на крутом повороте, и она, Катерина, наконец-то, по стечению обстоятельств, освободится от бремени жизни.

Мегаполис остался за спиной, а перед ней продолжали мелькать дорожные знаки, окруженные желтой высохшей

землей пустыни, простирающейся вокруг.

Когда-то здесь зеленели поля, окруженные густыми лесами, мелькающими за стеклами автомобиля. Сейчас же на этом месте не осталось ничего. Иссушенная земля, высосанная жизнь. И за сколько? Всего за тысячу с хвостиком лет. Миллионы столетий природа создавала себя. Для чего? Чтобы ее дитя уничтожило все вокруг всего лишь за несколько тысяч лет.

Кайлин резко повернула руль и вылетела на обочину. Машину занесло, и она, закрыв глаза, подняла руки вверх. Сняла ногу с педали газа и расслабилась. Ее бросало в стороны, и она надеялась, что вот-вот автомобиль перевернется и брентное тело раздавит металл. Она хотела этого, ждала, но судьба опять распорядилась иначе. Управление взял на себя бортовой компьютер, и автомобиль, выровняв курс, остановился вдали от дороги.

Кайлин засмеялась.

– Жизнь. Будь ты проклята, жизнь!

Она вылезла из машины и побрела вперед. Наконец, ее ноги устали, и она упала на землю, распластавшись на спине и раскинув руки по сторонам. Ей хотелось увидеть голубое небо над головой, как в детстве, когда она играла в снежных ангелов со своим братом. Но далеко вверху мелькали черные точки машин и светящиеся неоновые рекламы. Не было больше чистого неба, точно так же, как и не было рядом с ней брата.

Слезы теплыми струйками потекли из глаз. С минуту она пыталась бороться с охватившим ее горем, но все же осознание смерти близких было слишком тяжелым бременем, чтобы сопротивляться ему, и Кайлин разрыдалась. Почему она не подумала об этом раньше? Почему только теперь поняла, что все, кого она знала – давно мертвы?

Гийон собирался отправить ее в Центр, как только найдет. Тем более, что для этого не требовалось особо напрягаться. По датчику, встроенному в двигатель машины, можно было без труда определить ее местоположение. Он поехал с Маркусом и искренне надеялся, что с его стальной красной любимицей все будет в порядке.

Ему удалось найти Кайлин посреди пустыни в трехстах метрах от своего автомобиля. Она лежала на желтой иссушенной земле и плакала. Навзрыд, стирая влагу со щек и глаз, задыхаясь от судорожных спазмов в груди. Гийон остановился перед ней и все никак не мог сообразить, что же делать дальше. В сущности, от растерянности его спас Маркус, который, подлетел к пробужденной, протянул руки и обнял ее.

Как мало человеку нужно, порой, получить, чтобы обрести смысл. Иногда и объятия абсолютно чужого существа способны сотворить чудо и согреть ту часть тела, которая до

этого не хотела жить. Кайлин схватила за Маркуса и вжалась в теплое тело до боли в груди.

– Что случилось? Что с тобой? – нежным голосом спросил Маркус.

– Они все мертвы, – сквозь рыдания ответила она.

– Кто «все»?

– Все, Маркус, все они мертвы.

– И ты только сейчас поняла это? – тихо произнес он.

– Да, – ответила она и замолчала.

Маркус недоумевающе посмотрел на Гийона, который пребывал в состоянии оцепенения. Гийон и раньше наблюдал за человеческой истерикой. Но от слез этой женщины ему стало больно. словно он сам только сейчас понял, что самые близкие ему люди давно оставили его, и он влачит существование только потому, что остался жив.

Картинки из прошлого мелькнули в сознании, и Гийон отвернулся от той, что заставила их вспомнить. Давно это было. словно вечность назад.

– Они не работали с ней, – с грустью в голосе ответил он на немой вопрос Маркуса. – Сволочи, спихнули ее на нас.

Гийон вновь посмотрел на Кайлин и задумался. Эта девушка, эта пробужденная, похоже, стала им ненужной. Центр оживил существо и, не получив от него желаемого, выкинул за ненадобностью на улицу. Нет, ему было совершенно наплевать на Кайлин и ее судьбу. Ну, не совсем «совершенно», но все же, наплевать. А вот чье-то желание по-

быстрее отделаться от нее будило в нем интерес.

Тем временем Маркус отпустил Кайлин, и она молча поднялась с земли. Гийон еще раз посмотрел на нее и злобно усмехнулся:

– Я принимаю тебя в свою группу.

– Что? – не поняла Кайлин и уставилась на него.

– Ты принята в мою группу, – повторил Гийон.

– Я уже в ней!

Он резко приблизился и сжал стальной рукой лицо Кайлин.

– Впредь, если я что-то говорю, ты должна меня выслушать молча и не задавать встречных вопросов. Завтра ты явишься на работу вовремя и в том виде, который принят в нынешнем обществе. Ты будешь исполнять все, что я тебе поручу, и беспрекословно подчиняться приказам всех остальных членов группы, включая Ено. И еще одно: больше никогда не смей садиться за руль моего автомобиля по той простой причине, что он – мой, а не твой. А теперь ответь на простой вопрос: кто тебя криогенизировал?

– Я не знаю! – она вырвалась из-под его руки.

– Уверен, что ты знаешь не только имя того человека, но и причину, по которой Центр пробудил тебя сейчас.

– Причину, говоришь? – зашипела Кайлин. – А тебе разве не известно, зачем Центр это сделал? Не ты ли должен узнать то, чего я не помню? Или тебе не дали четких инструкций, когда передавали на поруки очередную ничтожную тварь?!

– Ты так много знаешь о моем отношении к тебе подобным? – он пытливо приподнял бровь.

– Ты не удосужился даже скрыть этого! – выпалила она.

– Я ничего тебе не должен. Для меня ты – предмет неодушевленный, так что если хочешь расстаться со своей никчемной жизнью – дерзай, я останавливать тебя не стану.

Кайлин молча смотрела на него, а он так же, в молчании, всматривался в линию горизонта за ее спиной.

– Я не просила себя воскрешать, – прошептала она. – Не просила...

– Ты получила шанс, которого у других не было. Мне наплевать, кто его тебе дал и почему, но тебя я презираю еще больше, чем остальных, таких же, как и ты. Они, по крайней мере, пытаются бороться, а ты настолько слаба и ничтожна в своей слабости, что даже не можешь найти в себе силы послать меня, не говоря уже о том, чтобы найти причину для того, чтобы выжить в этот раз.

Он бросил ей это в лицо, словно плевков, а затем развернулся и пошел назад к машине.

– Гийон! – окликнул его стальной женский голос, принадлежащий той, которую он, по всей видимости, еще не знал.

Он обернулся и увидел маленькую женскую фигурку, натянутую, словно струна, со взглядом, способным испепелить его на месте и руками, сжатыми в кулаки. Безусловно, это была другая женщина. И честно говоря, Гийон не ожидал разглядеть в Кайлин подобное существо.

– Пошел ты!

– Я смотрю, ты оживилась? – усмехнулся он.

– Пошел ты, убудок! – повторила она и показала ему средний палец.

Он, ничего не ответив, отвернулся и направился к машине.

– Куда нам ехать? – спросил Маркус.

– Куда хотите. Чтобы сегодня я больше ее не видел.

Говоря это, он улыбался. Чему? Гийон и сам не знал, чему тут улыбаться. Вряд ли ее смелости хватит надолго. Наверняка завтра в кафе войдет все то же убогое создание в темных очках и попросит заказать ему кофе с молоком под странным названием «латте».

Глава 4

«Меня много кто ненавидел. В основном те, от кого я требовала невозможного. И я получала то, чего хотела. Однажды, проходя мимо своего секретаря, которому я сделала замечание по оформлению документов, мне в спину было брошено слово «сука». Я услышала то, чего не должна была слышать, и обернулась, перепугав Фёклу до смерти. «Да, я сука, – ответила я. – Умная сука. А ты – любовница руководителя проекта». Следует сказать, что Фёкла была моей единственной подругой в последующие годы. Она погибла за три месяца до моей смерти: выбросилась из окна своего пентхауса. К ней на похороны не пришел никто из сотрудников, кроме меня. Тогда я поняла кое-что: лучше пусть тебя искренне ненавидят, чем возносят фальшивые признания в любви...»

Из разговора от 17.11.3565

– Куда ты меня везешь? – спросила Кайлин, когда Маркус остановился на одном из светофоров в центре города.

– В торговый центр, где тебе подберут одежду.

Он произнес это спокойным тоном, но напряжение, которое возникло между ними, Кайлин словно осязала собственной кожей.

– Разве я просила тебя об этом? – она повернула голову и

взглянула на профиль Маркуса.

– Нет, но прилично одеться тебе все-таки придется, – он сосредоточенно следил за сигналом неоновом светофоре, проекция которого висела прямо над лобовым стеклом автомобиля.

– Я ничего не понимаю в этой вашей моде. Ты только взгляни на свои штаны! – она указала на них рукой. – Это же гофра какая-то!

– Это – модная гофра, а на тебе потертые джинсы, которые сейчас носят только бомжи и попрошайки на улицах.

Невозмутимость Маркуса слегка остудила пыл Кайлин. Все-таки своей выходкой она навредила ему сегодня, чего определенно не хотела. И теперь он снова нянчился с ней.

– Одежда не изменит отношения окружающих ко мне, – Кайлин отвернулась к окну.

– Ошибаешься. От твоего внешнего вида зависит многое, а порой даже все. Ты ведь умная женщина, образованная, судя по тому, насколько хорошо владеешь языком, но кто, взглянув на тебя, подумает об этом?

– Мне глубоко наплевать, что обо мне думают, Маркус, – она тяжело вздохнула.

– Ладно, но неужели тебе приятно слышать в свой адрес такие неуместные комментарии?

– Я привыкла к этому, – Кайлин скукожилась на сидении и прижалась головой к стеклу. – Думаешь, в прошлой жизни ко мне относились иначе? Только в то время они перешеп-

тывались за спиной, а сейчас говорят все в лицо.

– И тебе это нравится? – с нажимом произнес он.

– Неужели ты веришь, что, переодев меня в приличный костюм, что-нибудь изменится? – ей хотелось рассмеяться.

– Изменится твое собственное отношение к себе. Это главное. К тебе никогда не станут относиться лучше, чем ты сама к себе относишься. Взгляни на себя, – он опустил козырек перед Кайлин и отодвинул заслонку на зеркале, которое там было спрятано. – Когда ты в последний раз выщипывала брови?

– Не помню, – она даже не взглянула на собственное отражение.

– Про остальное даже спрашивать не буду, – он закрыл зеркало и поднял козырек. – Вообще не представляю, как ты жила! Какой мужчина мог с тобой спать? Слепой?

– В моей жизни не было места для мужчин, – Кайлин по-прежнему пялилась в окно, как будто Маркус говорил не с ней.

– Кто же тебя так обидел?

– Никто.

– Нет, был кто-то, – Маркус даже закивал, убеждая себя в собственной правоте. – Наверняка был. Тебе сколько лет?

– Двадцать семь, – пробурчала Кайлин.

– И ты хочешь сказать, что за двадцать семь лет никого не встретила и не полюбила?

– Почему же, – она хмыкнула, – был один засранец. Жаль

только, что я слишком поздно это поняла.

– И после этого ты плюнула на себя?

– Нет, Маркус. Я плюнула на себя гораздо раньше. Просто мне показалось, что он отличается от остальных. Только показалось... – она опустила голову и сцепила руки в замок на коленях.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Думаешь, у меня нет вкуса? – губы Кайлин скривились в полуулыбке. – Или я не знаю, какая стрижка мне идет, и какой цвет волос лучше подходит к оттенку моей кожи?

– Если знаешь, отчего же выглядишь так плохо?

Он задал ей простой вопрос, но найти ответ Кайлин не смогла. Тогда, в прошлом, ее запущенность имела значение и смысл. Она ограждала ее от посягательств и соблазнов внешнего мира. Но сейчас все это было бессмысленным. Так почему же она не изменилась? Почему осталась такой, какой была?

Загорелся зеленый свет, и Маркус неспешно поехал дальше.

– Ты молода, – продолжал он. – У тебя все еще впереди. Ты можешь встретить человека сейчас, выйти замуж и завести свору маленьких забияк. Неужели какой-то урод из прошлого сможет тебе помешать? Отрицательный опыт – тоже опыт. Сделай выводы и иди дальше.

Кайлин истерически рассмеялась.

– Тебя послушать, так смысл бытия сводится к воспроиз-

ведению потомства и ведению домашнего хозяйства! Я не из таких, Маркус. Это не мое.

– Знаешь, от скольких женщин я это слышал? Все вы, в конце концов, заканчиваете одинаково: выходите замуж и рожаете детей.

– Я до этого не дойду, обещаю.

Теперь смеялся Маркус.

– Если хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах. Поверь мне, рано или поздно, на твоём пути встанет мужчина, которому ты просто не сможешь ответить «нет».

– Бла-бла-бла, – покривлялась Кайлин.

– Я это все к чему, – игнорировал её поведение Маркус, – давай ты приведешь себя в порядок. Не гарантирую, что отношение окружающих коренным образом к тебе изменится, но хуже уже не будет.

– Где уж там хуже! – она взмахнула рукой. – Мой опекун меня ненавидит, коллеги презирают, а ты жалеешь. Остается только индифферентный ко всему Ено, но он робот, а не человек.

– Ставлю пять кредитов на то, что если ты позволишь мне поработать над твоим внешним видом, завтра в кафе тебя никто не узнает, – с воодушевлением заявил Маркус.

Кайлин задумалась:

– А это много, пять кредитов?

– Ну, на завтрак для всей команды хватит. Если ничего из моей затеи не выйдет, послезавтра ты снова натянешь на себя

эти позорные вытертые штаны, – он указал на ее джинсы, – и будешь жить, как жила.

– Один день? – в голосе Кайлин сквозила предательская надежда.

– Всего один, – кивнул Маркус.

– Ладно. И что ты собираешься со мной сделать? – она села в полоборота к нему.

– Для начала, – он резко свернул направо, – обновлю гардероб.

– Для начала? – Кайлин потерла ушибленный о стекло затылок.

– Да, затем придется наведаться в салон, – он поводил рукой перед своим лицом, – и что-нибудь придумать с волосами и макияжем.

– Я не позволю тебе отрезать мою косу и выкрасить голову в зеленый цвет!

– Я, конечно, кое-что смыслю в современной моде, но, честно говоря, зеленый и малиновый мне тоже не по душе. А вот красный тебе вполне подойдет.

Кайлин рассмеялась:

– Издеваешься?

– А что, нельзя? – он улыбнулся и подмигнул ей.

– Давай, продолжай линчевание ведьмы!

– Думаю, на сегодня с тебя хватит.

Кайлин посмотрела в окно:

– Мы скоро доберемся до нужного магазина? Несколько

торговых центров мы уже проехали.

– Мы едем в определенный магазин, – Маркус снова слишком резко вошел в поворот и добавил: – Его хозяйка – моя знакомая.

– А обычный супермаркет не подойдет?

– Не хочу тебя расстраивать, но в обычный супермаркет тебя в таком виде не пустят.

– Это как? – возмутилась Кайлин.

– Привыкай. В этом мире боятся асоциальных людей, особенно если они пробужденные.

– Что же мы такого совершили, за что нас так ненавидят? – она схватилась за подлокотник сидения, чтобы на каждом повороте не болтаться на ремнях безопасности, как муха в паутине.

– Мы с тобой ничего не совершали, – Маркус продолжал активно крутить руль. – А вот пробужденные из первой волны натворили много бед.

– Это из-за осложнений после криогенизации? – предположила Кайлин.

– Да, в основном. Ты же понимаешь, что тебе повезло.

– Зря ты так думаешь. Я не могу кое-что вспомнить из прошлого.

Маркус искоса взглянул на нее:

– И много черных пятен?

– Достаточно.

– Странно признаваться в этом тебе, но у меня были про-

блемы с речью после пробуждения.

Кайлин удивилась:

– Ты не мог говорить?

– Да, я не мог правильно выговаривать слова.

– И долго это продолжалось? – она даже слегла к нему наклонилась, спрашивая об этом.

– Несколько месяцев, пока Гийон не заставил меня зачитывать ему по вечерам Уголовный кодекс.

– Что? – засмеялась Кайлин.

– Да-да. Практически каждый вечер я вслух читал Гийону параграфы из законодательства. Три месяца мучений – и я не только смог выносить приговоры, но и вполне четко произносил слова.

– Гийон не производит впечатления человека, который мог бы на такое пойти.

– Я знаю, – кивнул Маркус. – Но у всякого поведения есть свои причины.

– Хочешь сказать, что его ненависть ко мне, – она указала на себя, – имеет личное происхождение?

– Его жена и годовалый сын погибли в автокатастрофе по вине пьяного пробужденного. Гийон выжил ценой некоторых преобразований, которые ты уже оценила, но жену и ребенка спасти не удалось. Хуже всего, что виновный в аварии не был гражданином, и ответственности за содеянное не понес.

– Это как? – опешила Кайлин.

– А вот так. За его спиной стояли влиятельные люди и единственное, что грозило обвиняемому – это признание его нестабильным. Естественно, диагноз не подтвердился, и он остался жив.

– И где он сейчас? – не поняла Кайлин.

– Не знаю. Сианна как-то обмолвилась, что Гийону известно его место жительства, но на этом всякие домыслы прекратились.

– А ты как думаешь?

– Не знаю, честно, – пожал плечами Маркус.

– И давно это с ним произошло? – тихо спросила она.

– Еще до моего прихода в группу.

– У него левая рука стальная, – обронила Кайлин.

– И левая нога тоже. Точно так же, как и вся грудь, – добавил Маркус.

– А сколько ему лет?

– Тридцать три.

Маркус свернул на парковку у высотного зеркального здания и остановился прямо напротив вывески какого-то модного бутика.

В окнах этого магазина двигались голографические фигуры мужчин и женщин, демонстрирующие наряды ярких цветов.

Маркус помог Кайлин выбраться из машины и повел ее к главному входу в магазин.

Кайлин, конечно, заметила, как он мимолетно кивнул

двум охранникам, напрягшимся при ее появлении в этом месте. Молодые люди быстро окинули посетителей презрительным взглядом и тут же отвернулись в другую сторону.

– Будь я здесь одна, меня бы не пустили? – предположила она.

– Нет, – коротко подтвердил Маркус.

– Все настолько плохо?

– Более чем.

Она прикусила нижнюю губу, сгорбилась и ускорила шаг.

– Разогнись! – прошипел Маркус ей в самое ухо.

– Что? – Кайлин шарахнулась от него в сторону.

– Разогнись! И шаг уменьши. Топаешь размашисто, будто мужик.

– Так быстрее получается ходить.

– Так получается некрасиво, Кайлин. Ты же женщина. Шажки должны быть маленькими, движения плавными, а спина ровной!

Он с силой ударил ее по хребту, и Кайлин невольно вытянулась, словно струна.

– Больно же!

– Теперь будешь получать каждый раз, как только согнешься, – пообещал Маркус.

– Зачем ты это делаешь? – возмутилась она. – Я ведь никто для тебя!

– Потому что когда-то для меня подобную вещь сделал Гийон. Возможно, когда-нибудь ты сделаешь то же самое для

кого-то еще.

– А если нет?

– Жизнь твоя – решать тебе, – бросил он через плечо.

Магазин оказался не скромным бутиком, а огромным двухуровневым центром моды. Здесь было мало людей, но судя по размаху, прибыль заведение получало неплохую.

– Дорогие вещи, – отметила Кайлин, подходя к стойке с осенними кашемировыми пальто разных моделей. – Швы аккуратные, ровные, и ткани не из дешевых.

– Думаю, твой карман не опустеет от набега по этим рядам.

Кайлин посмотрела на ценник и присвистнула.

– Далеко за пять кредитов...

– Это настоящий кашемир, – ответил ей приятный женский голос.

Кайлин обернулась и увидела молодую женщину лет тридцати, стоящую возле Маркуса. В отличие от Сианны и других, которых она встречала на улице, эта незнакомка была одета не столь вызывающе, точнее сказать, вообще не вызывающе: строгий бежевый пиджак поверх глухой белой блузки и широкие черные вельветовые брюки. Кайлин удивилась такому наряду. Он был... Он был слишком обычным. Никаких «фонариков» или стоек на рукавах, блестящих ярких деталей и нелепых оборок. Женщина была брюнеткой с длинными волосами, собранными заколкой на затылке. Ее темная кожа и почти черные глаза не оставляли сомнений: перед

Кайлин не пробужденная, а коренной житель этого времени.
– Меня зовут Сойя, – улыбнулась незнакомка и протянула руку.

– Кайлин, – ответила она и пожала смуглую ладонь.

– Красивое имя.

– Спасибо.

– Судя по вашему выбору, – Сойя указала на пальто, – Вы предпочитаете изделия из натуральных материалов свободного покроя.

– Они удобны, – Кайлин отошла от пальто подальше, как будто боялась, что ее укусят.

– Конечно, – кивнула Сойя и повернулась к Маркусу. – Думаю, мы справимся сами. Ты можешь подождать Кайлин на диване. Девочки принесут тебе кофе.

– Я бы хотел поучаствовать в выборе, – начал сопротивляться Маркус.

– Никто не лишает тебя этой возможности. Ты будешь видеть лишь конечный вариант и выносить приговор, – подсказала Сойя.

– Кайлин, ты согласна? – спросил Маркус.

– Я не против, – она опустила голову и начала изучать собственные ботинки.

Ожидание Маркуса длилось около часа. За это время он осушил три чашечки кофе и изучил все новостные ленты в сети. Маркус, конечно, предполагал, что в новой одежде Кайлин будет выглядеть значительно лучше, чем в тех тряп-

ках, что облачила на себя сегодня. Но, если бы он знал, насколько изменится ее внешний вид в специально подобранных нарядах, поставил бы на кон не пять кредитов, а пятьсот.

– Нравится? – осторожно спросила Кайлин, простояв в новой одежде перед немым Маркусом в течение нескольких минут.

– Нет, – лаконично ответил он и обратился к Сойе. – Ей нужна одежда более узкого кроя! Я не думал, что у нее такая фигура. Точнее, что она вообще у нее есть. Этот наряд ей идет, но он не подчеркивает ее достоинства настолько, насколько бы мне этого хотелось.

– Я против! – перебила его Кайлин. – Чем тебе не нравятся эти брюки и блузка?

– Твое мнение здесь вообще не учитывается, – шикнул он. – Будешь мерить то, что скажу.

– Мне нравится эта одежда, – встала в позу Кайлин. – Другую я мерить не стану.

Маркус несколько минут молча размышлял, а затем просто согласился с ее выбором. В конце концов, для того, чтобы изменить человека, не достаточно насильно переодеть его. В новой одежде он должен, прежде всего, чувствовать себя удобно. И если Кайлин согласилась натянуть на себя что-то кроме джинсов и майки – это уже прогресс.

Спустя два часа они покинули магазин и направились в салон красоты. Педикюр, маникюр, депиляция, посещение косметолога и шесть часов ожидания измотали Маркуса

окончательно. Он уже перестал удивляться происходящим метаморфозам и откровенно хотел в ближайшее время поставить точку и передать Кайлин в искусственные руки Ено.

Самая большая потасовка случилась в салоне у парикмахера. Кайлин напрочь отказалась остригать косу и оттенять волосы.

– Собираешься ходить с этим конским хвостом? – просипел Маркус.

– Я привыкла к нему, – Кайлин с силой сжимала длинные волосы, не позволяя мастеру к ним приближаться.

– Ну, давай хотя бы длину немного уменьшим, – он уже готов был начать молить. – Тяжело же такую шевелюру мыть? Подумай, сколько ты сэкономишь на шампуне?

Кайлин скривила лицо и показала Маркусу язык, за что получила настоящий подзатыльник.

– Ведешь себя просто отвратительно!

– Волосы должны остаться длинными, – она пригрозила ему собственным хвостом.

– Ниже плеч, – предложил Маркус.

– Ниже лопаток.

– Немного выше.

– Вровень! – подвела черту Кайлин. – Это последнее слово.

– Согласен! – Маркус вскинул руки и засмеялся.

Через полтора часа уставший Маркус безуспешно пытался войти в собственный дом. Когда, после длительной возни с электронным замком, дверь неожиданно сама перед ним распахнулась, он понял, что на этом тяготы сегодняшнего дня еще не окончены.

Гийон фривольно раскинулся на любимом кожаном диванчике Маркуса и, попивая дорогой чай из большой кружки, помахал ему рукой.

– Я же просил тебя, не врываться ко мне без приглашения, – злился Маркус.

– Смени замки, если тебя не устраивает мое присутствие.

– А если бы я привел женщину? – распалялся Маркус.

– Да ты под страхом смерти не покажешь ни одной из них сюда дорогу.

Маркус прошел в гостиную и плюхнулся на диван рядом с другом.

– Хочешь узнать, что у меня получилось? – он потянулся и вытянул ноги.

– Не без этого, – признал Гийон.

– Ничего не получилось, – ответил Маркус и отобрал у Гийона чашку с чаем.

– Завари себе сам, – ответил Гийон и забрал ее обратно.

– Вообще-то, это мой чай. Так что давай, делись.

Гийон приподнял контактный обруч и взглянул на Маркуса.

– Ладно, только не поперхнись, – согласился Маркус.

– Спасибо. Так, что там с Кайлин?

– Получилось совсем не то, на что я рассчитывал.

– Не могу сказать, что ты меня удивил, – Гийон усмехнулся, – но все же надежда, что можно что-то исправить, была.

– Зачем тебе это? – спросил Маркус.

– Что именно?

– Пускай бы ходила как есть. Нам-то какое дело?

– Не хочу становиться объектом досужих разговоров. Хватит с нее странного поведения, пускай хотя бы внешне не выделяется из толпы.

– Несчастливая она, Гийон, – Маркус потер уставшие веки. – Такая же, как и ты.

– Кто сказал, что я несчастный? – Гийон покосился на друга и отпил чай из кружки.

– А кто сказал, что ты счастлив? – вторил Маркус.

– Я в порядке. А вот у нее большие проблемы.

– Она спрашивала о тебе.

Маркус заметил, как напрягся Гийон.

– И что ты ей ответил?

– Правду.

– А она?

– Ничего. Да и что тут скажешь? Ты всегда будешь ненавидеть таких, как мы.

– Ты тоже, между прочим, – напомнил Гийон.

– Я – другое дело. Во мне нет предвзятости к ним, а в тебе есть. Вот что она тебе сделала сегодня утром, что ты так себя вел? – Маркус несильно толкнул его в плечо.

– Опоздала на работу, – четко, словно вынес вердикт, произнес Гийон.

– Ну и черт с этим! Ты позволил себе оскорбить ее, и остальные последовали твоему примеру, а ты не пресек этого. Теперь они постоянно будут ее третировать, пока, опять же, ты сам не остановишь их.

– Мне наплевать на ее комфорт.

– Глаза у нее красивые. Сейчас таких нет, – мечтательно заметил Маркус.

– Это ты к чему только что сказал? – Гийон снова напрягся.

– К тому, что у нее красивые глаза.

– Это единственное, что в ней есть привлекательного.

– Ага! – подхватился Маркус и указал на друга пальцем. – Заметил все-таки!

– Тут только слепой не заметит, – признал Гийон.

– Что ты будешь с ней делать?

– Не знаю пока. По сути, она все еще в пограничном состоянии.

– Не очень-то Кайлин и нужна им, раз не работали с ней, – Маркус закинул ногу на ногу.

– Я тоже об этом думал, – ответил Гийон и сделал несколь-

ко глотков чая. – Пока пушу все на самотек. Посмотрим, к чему это приведет.

– Она сказала, что у нее провалы в памяти.

– Удобная отговорка.

– Согласен. Итак, – подытожил Маркус, – что мы знаем о Кайлин: образована, хорошо владеет языком, путешествовала по миру, замкнута, склонна к депрессии, обладает даром нейрами и что-то скрывает. Что-нибудь еще?

– Страшная, как грех, – добавил Гийон.

– А вот Ено сказал, что она красива.

– Что?

– Он просканировал ее биометрические параметры и сказал, что она на семь процентов симметричнее Сианны.

Гийон чуть не поперхнулся чаем, рассмеявшись.

– Мне тоже было смешно, – Маркус на веселость друга никак не отреагировал. – А потом я подумал над тем, что он сказал.

– И к какому выводу ты пришел? Что уродство тоже бывает симметричным? – заходился смехом Гийон.

– Нет, что мы оцениваем человека далеко не по биометрическим параметрам.

– Хочешь сказать, что это неправильно?

– Нет, наоборот, так и должно быть. Но я не об этом. Что, если мы часто не замечаем важных деталей просто потому, что не пытаемся уловить суть?

Гийон даже развернулся на диване, демонстрируя свое

удивление:

– Маркус, ты что, заболел?

– Может, иногда необходимо взглянуть на биометрические параметры, чтобы докопаться до чего-то более важного?

– Ты что-то пытаешься мне сказать?

– Это философский бред, Гийон. Прости, просто нахлынуло, – Маркус махнул рукой.

– Ну, философствование – это основа твоего нормального поведения, – пожал плечами Гийон.

– Пиво будешь? – предложил Маркус.

– Темное.

– Сейчас налью, – он встал и переместился в кухонную зону, совмещенную с гостиной.

– Сианна вскрыла труп, – сменил тему разговора Гийон.

– И что?

– Девушка была беременной.

– О-па! – Маркус щелкнул пальцами и открыл холодильник. – А вот и нить!

– Да, словно подарок судьбы, – согласился Гийон и допил свой чай. – Найдем папашу – возможно, выйдем на след.

– А что с ядом, о котором ты говорил?

– Это Кайлин сказала, что ее отравили. Но эксперты ничего не нашли.

– Может, разрушиться в крови успел? – Маркус выставил на стол бутылки охлажденного пива.

– Не исключено, – тяжело вздохнул Гийон.

– Ты по-прежнему склоняешься к версии убийств на сексуальной почве?

– Да. Это – самый подходящий вариант.

– Ты попросишь Кайлин вступить в контакт с предыдущими жертвами?

– Скорее всего... – задумчиво протянул Гийон, рассматривая пустую кружку в руках.

Хлопали дверцы шкафчиков на кухне. Кажется, Маркус забыл, где хранил свои бокалы для пива.

– Тяжело это.

– Что именно? – не понял Гийон.

– Умирать каждый день.

– Ей не привыкать.

– К этому нельзя привыкнуть, – вторил Маркус.

– Судя по тому, что она в прошлой жизни хотела умереть – ты прав, – Гийон встал и тоже пошел на кухню.

– Самоубийство? – Маркус наконец-то нашел бокалы и выставил их на стол.

– Не исключено.

Гийон помыл за собой кружку из-под чая и оставил ее в раковине.

– А если так? – спросил Маркус.

Гийон развел руками:

– Ей решать. Все-таки, это – ее жизнь.

– Жалко мне Кайлин.

– А мне нет, – он вернулся на диван и стал ждать свое пиво.

– Ты жесток, – обронил Маркус.

Гийон улыбнулся:

– Не отрицаю.

– Слишком жесток.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Зацепила она тебя чем-то.

Гийон снова развернулся на диване и бросил гневный взгляд в сторону Маркуса, разливающего пенное по бокалам.

– Ты в своем уме?

– Конечно, – и бровью не повел тот.

– Ты ее видел?

– Я не об этом. Какой бы она ни была, как бы ни выглядела, с ней ты ведешь себя странно. Агрессивно слишком.

– И что из этого? – он все еще не мог понять странной логики друга.

– Ты индифферентен к женщинам, Гийон. А Кайлин выводит тебя из себя, – сообщил Маркус.

– А в тебе вызывает жалость. Так кого из нас она «зацепила»?

– Я с нормальными женщинами сплю, Гийон. А ты путаешься только с невадами.

– Не вижу связи, – тот отвернулся.

– Зато я вижу. Ты ничего не испытываешь к этим красивым существам природы. А на Кайлин реагируешь.

– Я все понял, Маркус, – закивал Гийон. – В твоём понимании ненависть и неприязнь – это полезные чувства.

Маркус рассмеялся в ответ, однако, только ему одному было известно, чем вызван этот смех.

Глава 5

«Однажды я встретила мужчину, в которого влюбилась с первого взгляда. Это было очень мучительно для меня. В последующие годы мы работали вместе. Я знала, что не имею право испытывать к нему какие-либо чувства, но поделать с собой ничего не могла. Он общался со мной, иногда даже в неформальной обстановке, но, когда он смотрел на меня, я отчетливо читала в его глазах жалость. С тех самых пор я ненавижу это чувство. Иногда мне даже казалось, что лучше бы он ненавидел меня. Возможно, ненависть, как оборотная сторона страсти, согрела бы мое сердце гораздо больше, чем презренное чувство жалости...»

Из разговора от 06.11.3565

Утро у Гийона не задалось с самого начала. Проснувшись с головной болью и неприятным привкусом во рту на диване в гостиной у Маркуса, Гийон едва ли смог оторвать голову от подушки.

– Маркус! – позвал он в тишине и тут же пожалел об этом, схватившись руками за голову.

– Я здесь, – донеслось откуда-то снизу.

Гийон свесился с дивана и взглянул на пол.

– Ты здесь спал?

– Очевидно, – простонал Маркус, переворачиваясь на

бок. – Не стоило нам переходить на водку.

– Это была твоя идея. Который час?

Маркус разомкнул веки и посмотрел на расплывающиеся синие стрелки наручных часов.

– Половина восьмого, – протянул он и вновь закрыл глаза.

– Вот дерьмо!

– Полное.

– Давай вставай, – Гийон потряс его за плечо. – Нельзя опаздывать.

– Знаю. Черт! Я должен был заехать за Кайлин!

– Свяжись с Ено и попроси его доставить ее на работу.

– Сейчас, – прохрипел Маркус и поднялся с пола.

Гийон и Маркус не опоздали. Явившись на пять минут раньше, они увидели Сианну и Рихтора, попивающих черный кофе. Гийон осмотрелся по сторонам, но ни Кайлин, ни Ено нигде не заметил. Это неприятное обстоятельство разбредило больную голову гораздо сильнее, чем утреннее похмелье, и он вылил свое негодование в одно длинное нецензурное предложение.

– Зря ты кипятишься, – ответила ему Сианна. – Они уже приехали, но Кайлин понадобилось срочно зайти в аптеку. За нее извинился Ено и обещал, что они вернутся вовремя.

– Что за срочность? – прохрипел Гийон. – Тампоны за-

кончились?

– Сомневаюсь, что ей они вообще нужны, – засмеялась Сианна и подозвала официанта.

– Это я попросил ее, – ответил Маркус.

– Тампоны тебе купить? – не удержалась от комментария Сианна.

– Тампоны предпочитаешь ты, крошка. А я люблю обезболивающие.

– А вы почаще с Гийоном собирайтесь: глядишь – иммунитет к похмелью выработается.

– Не твое дело, – коротко ответил Гийон. – Где же эта чертова девчонка с моим лекарством?

– Ено вижу, – отозвался Рихтор. – И он, по-моему, один.

Все, как по команде, обернулись и посмотрели на Ено, вошедшего в кафе. Маркус улыбнулся своей победе, ведь девушку, которая вошла прямо перед ним, не узнал никто.

– Доброе утро! – поздоровался робот и присел за стол.

– Ты в своем уме? – взревел Гийон. – Где пробужденная?!

– Она здесь! – Ено указал стальным пальцем на незнакомку у барной стойки.

– Где? – не понял Гийон и осмотрелся по сторонам.

– Прямо у стойки, – пояснил Ено и улыбнулся.

Девушка, о которой говорил робот, действительно была пробужденной. На этом ее сходство с убогим существом, которое все видели только вчера, заканчивалось. Светлые русые волосы были затянуты в тугий хвост на затылке. Ма-

ленькая, судя по всему, хрупкая фигурка была облачена в свободный короткий черный плащ. Белая блузка с воротником-стойкой, широкие темные брюки и аккуратные осенние ботинки на низком ходу сотворили чудо – пробужденная стала похожа не просто на человека, она явно напоминала женщину.

Кайлин, словно ощутив их общий взгляд на себе, обернулась. На ней не было макияжа. Черные брови идеальной формы приподнимались над темно-синими глазами, наполненными все той же печалью, что и вчера. Сегодня оттенок ее кожи напоминал шелковую поверхность лепестков бледно-розового цветка, только что упавшего с дерева. Ее высокие скулы, кукольный нос и тонкие губы смотрелись настолько гармонично, что Гийон невольно вспомнил о пресловутых биометрических параметрах и тут же зафиксировал нужные данные в контактном обруче.

Результат в девяносто два процента симметрии только раздосадовал его. «Против природы не попрешь», – в сердцах произнес он и сфокусировался на ее фигуре. Измерив приблизительную окружность ее запястья и соотнеся ее с ростом, он рассчитал схему возможного строения ее тела, используя все те же девяносто два процента от совершенства.

Результат еще больше втоптал чувство собственной предвзятости Гийона по отношению к этой женщине в грязь, ведь сам того не замечая, он детально сконструировал форму ее груди и ягодиц под одеждой.

Кайлин перевела взгляд на Гийона и замерла на месте с двумя стаканами воды в руках, будто догадалась о том, что он без спроса изучает особенности ее тела с каким-то пристрастием и непонятым рвением.

Он посмотрел в ее глаза и прочел в них... гнев. «О, черт», – очнулся Гийон и шарахнулся, словно подросток, которого застали подглядывающим за девицами в женской раздевалке.

Этот моментный порыв взбесил его еще больше, чем похмелье и возможность опоздания Кайлин на работу.

Гийон повернулся к Маркусу и понял, что тот пристально наблюдает за ним. Друг не улыбался, не смеялся и не шутил. Будто знал, что одна единственная улыбка на его лице превратится в разбитую губу в следующее же мгновение. Нет, Маркус не провоцировал Гийона. Наоборот, он застыл в странной позе некоего раздумья и озадаченности. О чем были его мысли? Заметил ли он что-то, чего не видел ранее, и было ли в этом нечто особенное?

– Тебе не смешно? – прошипел Гийон, обращаясь к нему.

– Вчера было, а сегодня – нет.

– Отчего же? Ты превратил жабу в человека.

– Она не жаба, и ты это знаешь.

Гийон злорадно улыбнулся и повернулся к подошедшей Кайлин.

– Ты опоздала на три минуты.

– И тебе «доброе утро», – ответила она и сунула ему под

нос стакан с водой. – «Противоядие», – прокомментировала пробужденная и подала второй стакан Маркусу.

– Спасибо, солнышко, – ответил тот и залпом осушил содержимое.

– Меня зовут Катерина или Кайлин, Маркус. Советую запомнить.

– Ты, кажется, забыла, о чем я тебе вчера говорил? – напомнил ей Гийон.

– Это после запоя бывает амнезия. А я, к счастью, этим не страдаю.

– Что-то ты перья распустила. Смотри, пташка, падать больно будет.

– Не сомневаюсь, – ответила Кайлин и отвернулась.

– Ты проиграла, – вздохнул Маркус. – С тебя пять кредитов.

– Всего пять? – переспросил Гийон. – Я бы на твоём месте поставил больше.

– А ты знаешь, на что мы спорили?

– Это и дураку понятно. Её никто не узнал.

– Да, просчитался я с суммой, – протянул Маркус.

– Ну что ж, поскольку Кайлин наконец-то соизволила к нам присоединиться, начнем работать.

Кайлин пропустила упрек мимо ушей, понимая, что спорить – себе дороже, и присела на свободный стул возле Гийона. Аромат духов, «взрезавшийся» в его обоняние, а заодно и память, свел горло старшего даниила судорогой, и Гийон

едва не закашлялся.

– Даже невады не выливают на себя столько туалетной воды, – пробурчал он и зажал нос рукой.

Кому угодно, даже себе самому, он был не в состоянии признаться, что этот аромат ему понравился. Он знал название парфюма, который она использовала, понимал, что на каждой женщине, словно платье, он «смотрится» по-разному. Но сочетание естественного аромата кожи Кайлин и этого тяжелого благоухания составили неповторимый букет, который хотелось вдыхать чаще. И дабы прекратить эту изощренную пытку над его и без того поруганными безразличием и ненавистью, он зажал нос рукой.

Кайлин демонстративно поднялась с места и пересела на стул напротив, разместившись между Маркусом и Сианной.

Сианна, уподобляясь поведению Гийона, поморщилась и отвернулась.

– Рада, что вам нравится классический Orium, – улыбнулась Кайлин.

– Это древний аромат твоего прошлого, – ответила Сианна и помахала рукой перед носом, разгоняя воздух.

– Такой же древний, как и твой Chanel.

Сианна от удивления даже рот приоткрыла:

– В отличие от тебя, я не выливаю на себя целый флакон, – парировала она.

– Нет, только половину...

– Хватит! – перебил их Гийон, пресекая развитие пере-

бранки. – Ты забыла, о чем я разговаривал с тобой вчера, Кайлин?

– Замолкаю, – ответила пробужденная, сложив ладони перед лицом и кланяясь Гийону, словно учителю.

– Из всех присутствующих, только ты не знакома с материалами данной серии преступлений, – продолжил Гийон, как ни в чем не бывало. – На сегодняшний день у нас есть пять однотипных убийств. Все жертвы – молодые одинокие пробужденные в возрасте от двадцати пяти до тридцати двух лет. Способ убийства – нанесение множественных ножевых ранений. Все женщины были найдены голыми в собственных домах спустя несколько дней после смерти. Три жертвы перед смертью имели сексуальный контакт, однако, следов спермы нам обнаружить не удалось.

– Точно так же, как и волос или фрагментов кожи под ногтями жертв, – добавил Рихтор и отхлебнул кофе из чашки.

– Либо перед гибелью они занимались сексом с кем-то добровольно, либо у них не было сил бороться, – пояснил Маркус.

– Я так понимаю, что убийца подошел к делу с особой подготовкой, – предположила Кайлин. – Вы можете по ДНК установить личность?

– Не все люди зарегистрированы в базе геномов, – ответил Гийон. – Это дело добровольное. В отличие от отпечатков пальцев или сканирования сетчатки.

– Почему вы подозреваете именно пробужденного? – Кай-

лин откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

– Потому что в девяноста процентах случаев подобные преступления совершают именно они. А последнее послание от убийцы в виде стихотворения подтверждает это предположение. Судя по всему, в прошлой жизни он был русским.

– Это вовсе не обязательно, – парировала Кайлин. – Во-первых, на русском языке разговаривали не только русские. А во-вторых, остается еще десять процентов, которые вы не учли.

– Мы идем по наиболее очевидному пути.

– Это я уже поняла. А женщины были как-то связаны между собой? Может, что-то общее: один тренер по фитнесу, один магазин, где совершали покупки?

– У двоих совпадает клиника, куда они обращались за медицинской помощью. На этом все нити обрываются.

– Вы хотите, чтобы я проконтактировала с остальными жертвами? – напрямую задала вопрос Кайлин, чем немного удивила Гийона.

Он не ожидал, что она перейдет к сути дела так быстро.

– Я еще не решил.

– То есть? – возмутилась Сианна. – Она нейрами, это ее долг!

– Твоего мнения в этом вопросе я спрашивать не собираюсь, – отрезал Гийон и вперил взгляд в подопечную.

– Это глупо – не воспользоваться таким шансом. Возможно, ей удастся опознать убийцу.

– Или пережить еще четыре смерти и три изнасилования?

У Сианны пропал дар речи. Перед ней сидел человек, который был готов пойти на все, ради раскрытия преступления. И вдруг он отказывается от такого рода помощи!

– Ей не привыкать, так ведь, Кайлин? – спросила Сианна, глядя при этом на Гийона.

Он, не отворачиваясь, все же перевел взгляд на Кайлин, которая в этот момент активно покусывала нижнюю губу.

– Акт изнасилования не воспринимается мною во время видения. Нет, я понимаю, что происходит, но в этот момент меня либо душат, либо бьют или режут, поэтому я переживаю эти ощущения более остро, чем все остальное.

– Жертву душат.

– Что? – не поняла Кайлин.

– Душат, бьют, режут не тебя, а жертву, – ответил Гийон и отвернулся.

– Для меня нет разницы. Я переживаю все это, значит, я и есть жертва.

– Странно, что при таком отношении к делу ты все еще в своем уме.

– Это спорный вопрос, – заметил Рихтор.

– Есть еще одна особенность моего дара, – Кайлин опустил руки на стол, в котором сегодня распускались голографические луговые цветы, и чуть наклонилась вперед. – Ограничение давности преступления – две недели. – Если от момента смерти проходит более четырнадцати дней, я ничего

не вижу. Опять же, чем меньше времени прошло, тем ярче мои видения.

– То есть две недели – предел?

– Да, Гийон, – кивнула она.

– Тогда вариант с другими жертвами отпадает. Предыдущая погибла около месяца назад.

– Я могла бы поучаствовать в других расследованиях, – пожала плечами Кайлин.

Гийон не без удивления посмотрел на нее. Человек, который добровольно соглашается пройти через все это точно должен быть не в своем уме.

– Ты работаешь только с моей группой и ни с кем больше.

– А как же остальные? – она удивленно вскинула брови.

– Невозможно помочь всем на свете. Так что оставь свой запал для других дел, например, займись собой. Тебе это идет на пользу.

Кайлин молча проглотила намек и, сжав губы в тонкую линию, отвернулась. Неужели она все еще настолько плохо выглядит? Неужели стереотип поведения, который она отрабатывала столько лет, навсегда закрепился за ней?

– В отличие от нас с тобой, – прохрипел Маркус, – Кайлин сегодня выглядит превосходно.

И, в подтверждение своих слов, стукнул подопечную по спине.

Кайлин тут же выпрямилась на стуле и вперила гневный взгляд в Маркуса.

– Вот, теперь ты смотришься просто потрясающе! – засмеялся он и тут же схватился за голову.

– Это кара Господня, – улыбнулась Кайлин. – Жаль только, что на моего опекуна она, кажется, снизошла не в полной мере.

– Еще одно слово про твоего опекуна, – предупредил Гийон, – и ты отправишься мыть его кабинет!

– Простите, хозяин, – ответила она и поклонилась.

Маркус, Сианна и Рихтор не смогли сдержать смеха.

– Думаешь, если обладаешь даром нейрами, я стану перед тобой на цыпочках ходить?

– Что такое «нейрами»? – неожиданно спросила Кайлин, разрядив тем самым обстановку.

– Нейрами, – ответил Рихтор, – это люди с определенными экстрасенсорными способностями. Большинство нейрами объединены в Гильдию.

– Интересно.

– Тебя все равно туда не примут, – рассмеялся Рихтор.

– Это почему же?

– Пробужденных не берут. Вы для них – люди второго сорта.

– Не только для них... – заметила Кайлин.

– Тебя что-нибудь не устраивает? – оживился Рихтор.

– Почему же, все прекрасно. Я довольна своим рабским положением в этом обществе и отношением коренных жителей к своей персоне. Все так дружелюбны, а, главное, очень

уважительно ко мне относятся, особенно мой опекун.

Гийон приподнял брови, вопросительно глядя на нее.

– А еще мне нравится моя новая должность: крутиться возле стольких почтенных даниилов – это же настоящее провидение, особенно когда ни черта не понимаешь в такой работе. Зато можно строить из себя важную персону: я ведь, мать вашу, аналитик! – она вскинула руки и потрясла ими в воздухе, изображая всемогущество.

– Это хорошо, что ты реально оцениваешь ситуацию, – засмеялся Рихтор.

– По-твоему, это смешно, Рихтор? – понизила тон Кайлин. – Представь, что завтра ты проснулся и оказался в чужом мире. И вот ты так же сидишь в кафе в окружении абсолютно чужих для тебя людей, презирующих само твое существование, и благодаришь их за то, что взяли тебя на работу.

– Рихтор не давал согласия на криогенизацию, – перебил ее монолог Гийон. – А ты получила второй шанс. Так кого ты винишь в том, что ни черта из себя не представляешь теперь? Не нравится работать аналитиком – не работай вообще. Средства тебе это наверняка позволяют. А если ты хочешь нам рассказать, какой великой и гениальной была в прошлой жизни, так нам на это наплевать. Здесь ты не более чем стул, стоящий у этого столика.

Кайлин нечего было ему противопоставить. Она знала, что он прав на все сто. Обидно? Безусловно, обидно. Какую работу она могла получить в этом мире? Уборщицы? А не

работать вообще она не могла. Не так ее воспитали. Когда ей в Центре предложили эту должность, она поначалу обрадовалась. Но только потом в ходе разговора поняла, что они не спрашивали ее мнения, они приказывали. Столько лет, потраченных на обучение, столько бессонных ночей, принесенных в жертву великой идее, и все впустую. Мысль о том, что можно все вернуть, наверстать упущенное, манила... Но Кайлин знала, что платой за это станут ее убеждения и идеалы. А она никогда не хотела попускаться такими вещами. Когда-то дать слабину оказалось просто, но счет за этот поступок стал непомерным.

– Чем мы будем заниматься сегодня? – спросила она.

– Работой, – ответил Гийон. – Наш офис на третьем этаже. Ено тебе все покажет. Я даже нашел для тебя отличный рабочий кабинет. Будешь перебирать и раскладывать бумажки.

– Вы все еще используете бумагу?

– Конечно, – пожал плечами Гийон. – Это просто и более надежно, порой, чем техника.

– А можно мне поработать с материалами дел, которые мы расследуем?

– В свободное от основной работы время.

– Все ясно, – хмыкнула Кайлин.

«Центр управления даниилами», в здании которого они

находились, представлял собой огромный многоэтажный офисный центр. Здесь было несколько десятков подразделений даниилов, каждое из которых входило в состав определенного отдела.

Минув пропускной пункт с несколькими младшими даниилами на посту, они вошли в большой лифт и поднялись на третий этаж.

Здесь было довольно просторно и уютно. Холл разделялся на три отдельных коридора, каждый из которых принадлежал своему подразделению. Они свернули направо, и Кайлин едва успела прочесть вывеску над дверью: «Отдел особо тяжких преступлений».

– А кто еще работает на этом этаже? – спросила она у Ено, идущего позади.

– Слева от лифта сидят криминалисты, а прямо – специалисты по нравственным преступлениям.

– Их так мало?

– Это здание – одно из многих, и в каждом из них есть такие же отделы.

– Ено, а чем конкретно занимаемся мы?

– Мы расследуем серийные убийства, – монотонно ответил робот.

– А их много?

– Не очень, но все-таки есть.

– Такая работа должна угнетать, – заметила Кайлин.

– Так и происходит. С каждым из сотрудников работает

психоаналитик.

– С каждым? – удивилась Кайлин.

– Да, это обязательное условие нашего труда

– И у всех один и тот же врач?

– Да, я помогаю всем без исключения, – Ено изобразил дружелюбную улыбку на искусственном лице.

Кайлин же от удивления разинула рот.

– Ты? Психотерапевт?

– Да, это одна из моих обязанностей, – Ено кивнул и указал рукой вперед, намекая, что они отстали.

– Только не говори мне, что ты собираешься копать в моей голове, – Кайлин прибавила шаг.

– Гийон распорядился начать со следующей недели.

– Я не буду с тобой говорить, – нервно усмехнулась она.

– Не стоит тебе так переживать. В этом нет ничего особенного, просто дважды в неделю мы будем обсуждать проблемы, которые тебя волнуют и с которыми тебе трудно справиться.

– Вся моя жизнь – одни сплошные проблемы.

Кайлин так увлеклась беседой, что даже не заметила, как все остальные разошлись по своим кабинетам. Она огляделась и насчитала как минимум десять дверей, за которыми каждый из ее коллег мог скрыться.

– У всех, включая меня, есть собственный офис, – пояснил Ено. – В конце коридора расположен туалет. На дверях висят таблички, так что здесь ты точно не заблудишься.

– А где буду работать я? – растерялась Кайлин.

– Вон там, – робот указал в сторону уборной.

– В туалете?

– Нет, там, рядом, есть еще одно помещение. Раньше оно использовалось в качестве подсобки, но теперь там будешь работать ты.

– Весьма великодушно... – процедила Кайлин.

– Там довольно уютно. Тебе должно понравиться.

Она сомневалась, что комната, расположенная прямо возле туалета, может ей понравиться. Но выбора не было, поэтому она молча последовала за Ено.

Дверь в ее новый «офис», в отличие от всех остальных, была железной и блокировалась электронным замком. Ено что-то начал нажимать на электронной панели, затем попросил ее приложить палец к экрану и загрузил данные в память.

– Теперь ты беспрепятственно можешь сюда входить, – пояснил он.

– Точно так же, как и все остальные...

Тяжелая дверь открылась и Кайлин поняла, что работать в этом помещении не сможет.

Этот «офис», общей площадью около семи квадратных метров, напоминал ей уютный гробик, в котором ее непременно должны были похоронить. Стол, куча папок на нем и стул – вот и весь интерьер ее нового рабочего кабинета. Но даже такие условия она согласна была принять с благодарностью, если бы не одно обстоятельство: здесь не было окон.

Кайлин поехала в дверном проеме и шагнула обратно в коридор.

– Что-то не так? – поинтересовался Ено, вопросительно склоняя стальную голову.

– Да, я не смогу здесь находиться.

– Но это – приказ Гийона.

– А другого подсобного помещения у вас нет? – перешла на шепот Кайлин.

– Нет. Но если ты по каким-то причинам не хочешь работать здесь, можно обратиться к Гийону: возможно, он разрешит твою проблему.

– Ено, я... – Кайлин покачала головой и отвела взгляд.

Робот внимательно осмотрелся, а затем повернулся к Кайлин:

– В моей голове родилось одно предположение: ты страдаешь клаустрофобией?

– Я не смогу, Ено...

– Ничего страшного. Следует поговорить с Гийоном и объяснить ему причины твоего замешательства.

– Нет! – выпалила она. – Нет, я не хочу, чтобы ты говорил с ним. Ни с кем, Ено. Я не хочу, чтобы ты вообще кому-нибудь говорил об этом.

Ено снова склонил голову на бок и улыбнулся:

– Это болезнь, Кайлин, а не твоя прихоть. Гийон поймет.

– Кто угодно, но только не Гийон.

Почему она так решила? О, она готова была биться об за-

клад, что как только Гийон узнает о ее проблеме, он запрет ее в этом помещении и заблокирует дверь, обозвав свой поступок «терапией путем преодоления». Она не в первый раз оказывалась в подобной ситуации. Раньше ей часто приходилось работать с архивными материалами в подвале, потому она и нашла свой особенный ключик, который позволял ее мозгу мириться с прихотями обстоятельств.

– Ено, а эта дверь может закрываться не полностью?

– Ты хочешь оставить ее приоткрытой, чтобы создать иллюзию свободного пространства?

– Именно это я и хочу сделать, – улыбнулась Кайлин.

– Хорошо, я заблокирую механизм автоматического закрытия, и ты сможешь оставлять ее приоткрытой.

– Это меня вполне устроит.

– Ну что ж, тогда первый сеанс психотерапии можно считать состоявшимся, – утвердительно кивнул Ено.

Кайлин прошла в помещение, оставив дверь приоткрытой. Холодок все же пробежал по ее спине, но после нескольких глубоких вдохов, она смогла справиться с этими отголосками подсознательного страха.

Кайлин провела рукой по старой изношенной деревянной поверхности рабочего стола и села на стул. Перед ней лежало несколько пустых папок, а рядом с ними огромная стопка бумаг. Она взяла одну из них в руки и попыталась понять, что это вообще такое.

Показания и протоколы экспертиз были перепутаны. Ну-

мерация страниц совершенно не совпадала, и невозможно было понять, что к чему относится. В этот момент Ено просунул стальную голову в дверную щель и улыбнулся.

– Можно мне войти?

– Конечно.

Робот бесшумно приблизился к столу и взял в руки пустые папки.

– Перед тобой лежат материалы четырех старых нераскрытых дел. Кто-то развернул коробку с папками в нашем архиве несколько лет назад, но за это время никто так и не удосужился собрать все, как было.

– А зачем вообще это собирать? У вас что, электронных баз данных нет?

– Есть, но документы, которые лежат перед тобой, являются единственным источником информации. Иногда наши сервера выходят из строя. Потому у каждого электронного документа есть своя печатная копия. Как только ты соберешь эти четыре дела воедино, мы отсканируем материалы и загрузим в архив.

– А загрузить по отдельности, а затем автоматически систематизировать вы не можете?

– Не знаю, – пожал плечами Ено. – Это задание Гийон поручил тебе.

– Ну, тогда все ясно, – едва не засмеялась Кайлин. – Спасибо, что хоть чем-то заняли. Не удивлюсь, если он сам нарочно опрокинул эту коробку еще вчера.

– Это твое первое поручение. Думаю, если ты достаточно быстро справишься, Гийон доверит тебе еще что-нибудь.

– Разобрать коробки в архиве?

– Возможно, и тебе придется выполнять эту работу.

– Я все поняла, Ено, – кивнула Кайлин, – спасибо.

– Вот, держи папки. Их всего четыре.

– «Всего четыре», – покривлялась Кайлин. – Здесь не меньше тысячи листов! Я потрачу на это неделю!

– А тебе есть куда спешить? – справедливо заметил Ено.

– Нет, в том-то и дело, – Кайлин осунулась и обреченно устала на стопку бумаг.

– Могу я идти?

– Конечно, Ено.

– Обедаем мы внизу около часа дня. За тобой кто-нибудь зайдет.

– Буду иметь в виду, – кивнула она, – спасибо еще раз.

– Не за что, – ответил робот и вышел в коридор, оставив дверь приоткрытой.

Покрутившись на стуле, Кайлин поняла, что от старых привычек невозможно избавиться даже с помощью криогенизации. Она привыкла к движению. Постоянному, направленному движению по своему кабинету. Она часто раскладывала документы на полу, садилась среди них и на протяжении нескольких часов, а то и дней пыталась разрешить очередную проблему. И еще Кайлин любила грызть карандаши. И хотя брат утверждал, что это очень вредная привычка,

Кайлин не собиралась от нее отказываться. Схватив со стола карандаш, она засунула его в рот и потянулась к стопке с бумагами...

Гийон направлялся в уборную, когда заметил, что дверь в бывшее подсобное помещение не заперта. Заглянув внутрь, он увидел, что Кайлин сидит на полу посреди вороха разложенных бумаг и что-то бубнит себе под нос. Он несколько минут тихо наблюдал за сменой выражений на ее лице, пока она брала в руки одну бумажку за другой, что-то внимательно изучая. Пробужденная настолько погрузилась в некие раздумья, что даже не заметила его присутствия.

Гийон не ожидал увидеть ее такой собранной и сконцентрированной. И хотя он прекрасно мог оценить уровень интеллекта, который был необходим человеку для выполнения этого монотонного труда, ее поведение его впечатлило. Она вникала в происходящее, не просто перекладывая бумажки, а вчитываясь в их содержание и даже что-то проговаривая себе под нос. И еще Кайлин грызла карандаш... Это показалось ему довольно забавным, и он невольно улыбнулся.

Звук закрывающейся двери прорезал тишину, и Кайлин встрепенулась на месте. Ее бросило в жар, а воздух перехватило на вдохе. Кайлин медленно поднялась с пола и спокойно попыталась открыть дверь, но, потянув ее за ручку, поняла, что та не открывается.

– Спокойно! Спокойно! – начала она говорить сама себе. – Нужно разблокировать ее. Только разблокировать.

Кайлин подошла к электронной панели и приложила к ней палец, но ничего не произошло. Этот чертов прибор не работал!

Она попыталась еще раз подергать ручку, но стальная преграда так и не поддалась.

– Позвонить! Нужно позвонить кому-нибудь!

Кайлин осмотрелась, но тут же вспомнила, что в этой комнате ни телефона, ни компьютера нет.

В ушах зашумело, ноги стали ватными, а голова медленно, но верно пустилась в круговорот. Кайлин постучала в дверь кулаком, надеясь, что ее кто-нибудь услышит, но это оказалось пустой тратой времени.

Она почувствовала, как ее сердце начинает сбиваться с ритма. Капли холодной влаги выступили на лице, руки онемели, и воздуха в помещении стало не хватать. Стены закружились перед глазами, и теперь она уже не могла понять, где именно находится. Закрыв глаза, она медленно осела на пол и попыталась успокоиться. Один глубокий вдох сменял другой, но долгожданного облегчения это не приносило. В памяти стали проноситься крики людей, сливающиеся с ее собственными, и темнота, густая, едкая, вновь окутала ее тело.

Кайлин почувствовала боль в груди. Нечто сжало ее сердце и не захотело отпустить. Она пригнулась к полу и попыталась дышать медленнее. Эта форма безысходности была для нее самой страшной. Она запирала ее изнутри, делая заложницей собственного подсознания. И борьба с собой и своими

страхами становилась невыносимой. Тело отказывалось подчиняться, и первородный животный инстинкт самосохранения завладевал мозгом. Кайлин поднялась с пола и начала метаться по помещению, сминая бумагу под ногами.

– Помогите! – закричала она. – Помогите! Пожалуйста, вытащите меня отсюда!!!

Гийон выходил из уборной, когда рядом раздался стук в железную дверь. Он подошел поближе и попытался открыть ее, но замок не поддавался.

– Кайлин? – позвал он, но кроме странного писка ничего не услышал. – Кайлин?

Пробужденная начала колотить железную преграду ногами и выкрикивать мольбы о помощи.

– Что там такое? – послышался голос Маркуса за спиной.

– Не знаю. Я закрыл эту чертову дверь не более пяти минут назад, а теперь она не открывается.

– Кайлин, все в порядке, – успокаивал Маркус. – Не переживай, сейчас мы тебя выпустим!

Но пробужденная, казалось, и не слышала его вовсе.

– Что это с ней? – не понял Маркус.

– Дерьмо! – прошипел Гийон. – Программа зависла.

– Так перезагрузи.

– Уже делаю.

– Кайлин! – позвал Маркус. – Перестань стучать в дверь! Сейчас мы тебя выпустим!

– Бесполезно, – буркнул себе под нос Гийон.

– Что?

– Я говорю, бесполезно. У этой ненормальной истерика.

– Кайлин? – вновь позвал Маркус.

В это время в коридор вышли Рихтор и Сианна.

– Что там у вас происходит?

– Рихтор, помоги перезагрузить программу, – попросил Гийон.

– Для этого нужен ПК. Сейчас принесу.

– А где дурнушка? – поинтересовалась Сианна, подходя к ним поближе.

– Кайлин заперта внутри, – пояснил Маркус.

– У-ух-х, как стучит, – засмеялась Сианна.

– Не вижу ничего смешного, – осадил ее веселье Гийон.

– Пусти меня, – Рихтор протянул свой ПК. – Это просто, если знать, что делать.

– А где Ено? – возмутился Гийон. – Я же просил его присматривать за ней.

– Он внизу. Я отправила его за кофе, – ответила Сианна.

– Он что, твоя нянька? В комнате отдыха есть автомат: взяла бы да заварила!

– Я не могу пить этот стрихнин.

– Готово, – перебил их Рихтор. – Открывай!

Маркус даже не успел коснуться ручки, когда железная дверь ударила его по лбу и в глазах потемнело.

– Какого...

Кайлин выбежала в коридор и, жадно глотая воздух ртом,

закашлялась. Она выглядела ужасно. Волосы растрепались, на лице выступил пот, и глаза, наполненные ужасом, покраснелись и отекли.

– Все хорошо? – спросил Гийон, поддерживая Маркуса за плечо.

– Вроде бы.

Кайлин в это время продолжала пригибаться к полу, пытаясь отдышаться.

– Воды принести? – поинтересовался Гийон, наклоняясь перед ней и заглядывая в побледневшее лицо.

– Да. Пожалуйста.

– Что это было? – промямлил Маркус, растирая ссадину на лбу.

– Ничего, – ответила Кайлин и снова закашлялась.

– Что-то не похоже на «ничего».

Гийон тем временем подал ей стакан воды. Кайлин ментально осушила его и протянула обратно.

– Спасибо.

– У нее клаустрофобия, – снисходительно пояснила Сианна, вертя пустой стакан в руках, который отдал ей Гийон.

– У тебя клаустрофобия? – переспросил Гийон.

– Это тебя не касается, – отрезала Кайлин.

– Не будь дурой! Если закрытые пространства для тебя проблема – почему раньше об этом не сказала?

– И что бы ты сделал?! – холодно произнесла она. – Переселил меня в другой кабинет?

– Вообще-то, да!

Она обернулась и посмотрела на него.

– Что-то я сомневаюсь в этом.

– Мне не нужны приступы паники посреди бела дня – это отвлекает от работы.

– Извините, что отвлекла вас, Ваше Величество, – прошипела Кайлин.

– Нет, ну вы видите?! – Гийон развел руками. – С ней невозможно нормально разговаривать. Ты можешь перестать вести себя, как последняя идиотка, и адекватно все воспринимать?

– Ты посадил меня в комнатку возле туалета. Как я могу это воспринимать?

– Может, я должен был предоставить тебе свой рабочий кабинет в пользование? – возмутился Гийон.

– Здесь достаточно других свободных комнат.

– Покажи хоть одну.

– Та, – она ткнула пальцем в сторону широкой двери без таблички.

– Это серверная.

– А, та?

– Для совещаний.

– Если мне нет места, куда бы ты переселил меня? – напирала Кайлин.

Гийон скривил лицо и осмотрелся.

– Для тебя здесь места нет, – ответила Сианна. – Твоя

клаустрофобия – это сугубо твои проблемы. Так что не жалуйся. Когда Ено показал тебе комнату, тебя все устроило.

– Нет, Сианна, – послышался доброжелательный голос робота, подошедшего к ним с одноразовым стаканчиком кофе в руках. – Прошу прощения, но это моя вина. Вопреки желанию самой Кайлин, я должен был предупредить Гийона о возможных проблемах с ее психикой.

– Моей, что? – обомлела Кайлин.

– Психикой, – повторил Ено. – Клаустрофобия – довольно серьезная проблема. Поскольку ты достаточно спокойно вела себя в этом помещении с приоткрытой дверью, я предположил, что твое состояние вполне компенсировано.

– Все было бы хорошо, если бы кто-то не закрыл эту дверь, – настаивала Кайлин.

– Этим кем-то был я, – отозвался Гийон.

– Ты? – из глаз Кайлин посыпались искры.

– Ну, откуда мне было знать, что ты оставила ее приоткрытой специально?! – пытался оправдаться Гийон.

– Так ты закрыл и заблокировал ее?! – голос Кайлин дрожал.

– Нет, только закрыл.

– Сбой в программе произошел из-за попытки неправильного ввода данных, – перебил их Рихтор.

Кайлин разогнулась в полный рост и с ненавистью посмотрела на них всех. Сианна ехидно улыбалась, Маркус потирал ушибленный лоб, Рихтор смотрел в сторону, Гийон о чем-то

размышлял, а Ено, продолжая держать стаканчик с кофе в руках, опять склонил железную голову на бок.

– Вам всем наплевать, – тихо, без эмоций, прошептала она. – Всем наплевать...

– А чего ты хотела? – спросил ее Рихтор. – Чтобы мы все дружно пожалели тебя, бедняжку?

Кайлин выпрямилась на месте и сжала пальцы в кулаки. Гийон посмотрел в ее глаза и увидел ту же женщину, что стояла перед ним в пустыне вчера. Она была красива. Она была независима и недвижима, словно гора. В этой женщине была сила, внутренняя гордость, которая заставляла ее тело натягиваться, словно струну. В этих темно-синих глазах не было обреченности и беспомощности, только желание бороться, до конца, до последнего вздоха. Кем же была она в прошлой жизни? Что же заставило ее спрятаться под этой толстой скорлупой из убогости и безликости? И кто же она все-таки такая на самом деле?

– Таким как я не нужна ваша жалость, – едва ли не насмехаясь, произнесла Кайлин. – Между жалостью и участием ширится пропасть, которую вы, по всей видимости, не способны узреть.

Все замолчали, в замешательстве всматриваясь в стоящую перед ними хрупкую фигурку. Ее слова поняли лишь двое человек. Оба, каждый в свое время, испытали все это на себе. Взгляды, шепот за спиной и всеобщую жалость к собственному горю. Это бесило, выводило из себя, и хотелось

объяснить, что ничего не кончено, что жизнь их продолжается, и они обязательно справятся с этим. Но новые скользкие взгляды словно говорили о другом: «нет-нет, все ужасно, ужасно». И тоска вновь наполняла сердце, напоминая о том, что очень трудно забыть.

– Пора идти на обед, – разрушил всеобщее молчание Гийон. – Приведи себя в порядок, – обратился он к Кайлин, – и зайди в мой кабинет.

Все нехотя зашевелились и побрели в сторону выхода.

Как только последняя фигура скрылась где-то в холле, Кайлин, словно исчерпав последние силы, рухнула на пол. Откинув голову, она распустила тугой жгут, сжимавший ее спутавшиеся волосы, и густые волнистые пряди, закручиваясь в причудливые локоны, рассыпались по плечам. Кончиками пальцев она начала массировать виски и закрыла глаза.

– С тобой все в порядке? – послышался низкий спокойный голос над ее головой.

Она подняла глаза и поняла, что Гийон, по неведомой ей причине, вернулся назад.

– Нет, со мной не все в порядке, – ответила она.

Он присел перед ней на корточки и приподнял бледное лицо за подбородок. Кайлин посмотрела на него, и в груди что-то сжалось. Его прикосновение не было грубым, не было оно и неприятным. Просто теплые пальцы коснулись ее, и от этого стало почему-то легче.

Он долго всматривался в ее лицо. Темно-синие радужки

были окружены красными тонкими жилками, застилавшими ее склеры кровавой сетью. Мокрые слипшиеся ресницы, цепляясь друг за друга, навязчиво лезли в глаза. Черты ее лица заострились, а кожа приобрела несвойственный ей зеленоватый оттенок.

– Я никогда не думал, что страх, подобный этому, может настолько изматывать.

– Я тоже когда-то так не думала, – ответила Кайлин и отвернулась от него.

– Ты не всегда этим страдала?

– Нет, – покачала головой она. – Это не врожденное.

– Что же произошло?

– Не спрашивай.

– Почему? – не понял Гийон.

Кайлин повернула голову и взглянула на него.

– Это история моей прошлой жизни, и вспоминать ее я не хочу.

– Давай я помогу тебе добраться до туалета, – он протянул руку.

– Я в состоянии сделать это сама.

Гийон опустил протянутую ладонь.

– Думаю, что сначала нам лучше пообедать. Поговорим потом.

– Я не пойду обедать.

– Почему?

– Все эти взгляды и смешки в мой адрес не располагают

к появлению аппетита.

– Ты не похожа на женщину, которую особо волнует чужое мнение.

Кайлин невольно улыбнулась его словам, и Гийон это заметил.

– Ты в прошлом была лидером. Наверняка руководила каким-нибудь отделом, а, может быть, и предприятием.

– Что-то вроде, – пожала плечами Кайлин.

– Вроде чего: отдела или предприятия?

– Отдела, – усмехнулась она.

– И теперь тебе трудно начинать все сначала.

– Не трудно, Гийон. Это тяжело, по-настоящему тяжело. Что толку от моего присутствия? Кому я здесь могу помочь?

– А в тебе есть стремление помогать? – мягко спросил он.

– Я не привыкла сидеть сложа руки. Мне нужно занятие, задание, которое необходимо выполнить. А ты доверил мне сортировку страниц в старых незакрытых делах.

– А ты хотела, чтобы я доверил тебе расследование одного из новых преступлений?

– Нет, но...

Гийон поднялся на ноги и зашагал в сторону холла.

– Спустишься вниз по лестнице, если с лифтом проблемы.

Чтобы через десять минут сидела в кафе.

– От тебя не знаешь, чего ждать в следующую минуту, – она развела руки по сторонам.

– От тебя тоже, – ответил он.

Глава 6

«Смыслом моей жизни всегда была работа. Я хотела творить, надеялась, что смогу добиться чего-то. Но с каждым днем мое время просачивалось сквозь пальцы, и я понимала, что не успею... Брат был намного талантливее меня. Задачу, над которой я могла биться несколько недель, он решал за считанные часы. И в какой-то момент я полностью доверилась ему. Он стал моим маяком, и успех был почти осязаем. Когда я, наконец, поняла, к чему все движется, что-либо менять было уже поздно. И я сдалась. Тяжело это – отказываться от своих надежд, но выбирать к тому времени было уже не из чего. Тогда я совершенно ясно поняла, что своими руками вымостила для себя дорожку в ад...»

Из разговора от 14.11.3565

За обедом разговоры велись исключительно о результатах медицинской экспертизы последней жертвы. Кайлин не вступала в общую беседу. Внимательно прислушиваясь к отдельным фразам, она постепенно смогла вникнуть в суть дела.

Погибшая была беременной. Срок ранний, но все же экспертам удалось получить образцы ДНК зародыша. Теперь задача была предельно простой: сравнить полученный образец с данными, имеющимися в базе геномов, и если повезет, най-

ти несколько подходящих кандидатов на отцовство.

На следующий день их группе предстояло разделиться и собрать показания у всех лиц, знавших и общавшихся с жертвой. О том, чем займется сама Кайлин, не говорил никто. Она уже было подумала, что про нее совсем забыли, как вдруг Маркус ненавязчиво намекнул Гийону, что нового аналитика все-таки стоит чем-нибудь «нагрузить».

– Кайлин поедет со мной в дом последней жертвы, – произнес Гийон. – Я хочу еще раз все осмотреть. Ей это будет полезно, глядишь, еще несколько новых идей подкинет.

– Так вы узнали, кем была та девушка? – спросила Кайлин, поднося вилку ко рту.

– Она не состояла в Гильдии невад, – ответил Гийон.

– Значит, я ошиблась?

– Это ничего не значит. Она могла работать неофициально, только со своим узким кругом клиентов.

Кайлин ничего на это не ответила и продолжила поглощать тушеный картофель.

– У тебя, я смотрю, аппетит прорезался? – подколот ее Гийон.

– Да, пока вы обсуждали дела насущные, я смогла поесть.

– Это хорошо. А то скоро просвечиваться начнешь.

Кайлин пожала плечами.

– Я от природы такая. Сколько бы ни ела, в весе все равно не прибавляю.

– В женщине должно быть хоть что-то, кроме костей.

Кайлин вопросительно приподняла брови:

– Меня мои кости нисколько не смущают.

– Это мы уже поняли, – отметил Гийон.

– Я могу продолжить есть, или вы все так и будете заглядывать мне в тарелку?

– Ешь-ешь, – похлопал ее по плечу Маркус и ударил кулаком по спине.

– А-а-ай!

– Следи за осанкой.

– Но я же ем! – Кайлин демонстративно бросила приборы.

– Ты всегда должна помнить о ней. Скукожилась над тарелкой, того гляди, горб вырастет.

Сианна искренне рассмеялась:

– И ты, Маркус, надеешься ее перевоспитать? Боюсь, это невозможно.

– Почему? – удивился тот.

– Она наверняка всегда была такой.

– Какой «такой»? – настороженно переспросила Кайлин.

– Мужеподобной, – произнесла Сианна.

– Ты хочешь сказать, что я похожа на мужчину?

– А разве нет?

– Тогда ты похожа на проститутку.

Гийон и Маркус замерли в молчании. Рихтор заметно напрягся, но все же промолчал.

– По твоему, если женщина следит за собой и хорошо выглядит – она невада? – решила уточнить Сианна.

– А, по твоему, если не следит за собой, то – мужчина? – парировала Кайлин.

– Дело не только во внешнем виде. Посмотри, как ты ходишь? Как ведешь себя? Маркусу просто неудобно рядом с тобой находиться, потому что он из шкуры вон лезет, чтобы что-то исправить. Но мы-то с тобой знаем, что старую собаку новым трюкам не обучишь.

Кайлин повернулась и взглянула на Маркуса.

– Тебе стыдно находиться рядом со мной?

– Нет, конечно. Я же сказал, что ты прекрасно выглядишь.

Кайлин вытерла губы салфеткой и медленно поднялась со стула.

– Я такая, какая есть. Я сутулюсь, размашисто хожу и гремлю костями. Да, я такая! Зато вы все на моем фоне смотрите самыми очаровательными людьми на свете. Я подожду вас в холле.

– Я не разрешал тебе уходить, – напомнил Гийон.

– Могу я уйти? – сквозь глубокий вдох спросила Кайлин.

– Нет. Пойдешь вместе со всеми.

Она опустилась на стул и сложила руки на груди.

– Есть, хозяин.

– Слушаюсь, – поправил ее Гийон.

– Что?

– Слушаюсь, хозяин, – ты хотела сказать.

– Тебе лучше не знать того, что я хотела сказать.

– А тебе лучше помолчать, пока я не вышел из себя, –

предупредил Гийон.

«Себе дороже», – подумала Кайлин и отвернулась. Погрузившись в собственные мысли, она не заметила, как все закончили трапезу.

– Кайлин, ты идешь? – позвал Маркус.

– Да, – отрешенно отозвалась она и поднялась из-за стола.

– Шевелись, – буркнул Гийон, – мне нужно уезжать.

Кайлин испепелила его взглядом и отвернулась.

– Ты с нами на лифте или пешком? – спросил Маркус, кладя руку ей на плечо.

– Пешком, – ответила она и отстранилась.

Когда Кайлин, наконец, преодолела два высоченных пролета и вышла в холл третьего этажа, оказалось, что Гийон ждет ее там.

– Медленно ходишь. Следует в зале поработать, иначе так и будешь язык свешивать от малейшего напряжения.

– Я подумаю над твоим предложением.

– Ты не поняла, – он усмехнулся. – Это приказ.

– Да, хозяин.

– Слушаюсь.

Кайлин остановилась посреди коридора и, пропустив его вперед, показала средний палец.

– И тебя туда же, – отчеканил Гийон.

– Ты не мог этого видеть.

– Зеркало прямо по курсу. Прекрасный вид, не так ли?

Кайлин напрягла зрение и действительно, в конце длин-

ного коридора увидела небольшое зеркало, висящее на стене. Даже если постараться, она все равно не смогла бы разглядеть в нем себя, тем более, показывающей средний палец.

– Так вот зачем этот обруч...– прошептала она себе под нос.

Гийон остановился перед дверями в собственный кабинет и повернулся к ней.

– Мне все равно, как далеко ты меня посылаешь и что при этом думаешь. Но запомни: если еще раз ты посмеешь показать мне этот палец, я его сломаю. Не люблю этих жестов, особенно, когда ими пользуются тебе подобные, – с этими словами он открыл перед ней дверь и пропустил вперед.

Кабинет Гийона привел ее в некое замешательство. Кайлин, почему-то, представляла себе это помещение иначе. В ее голове образ рабочего кабинета опекуна непременно должен был отражать его характер: современный холодный интерьер, минимализм и идеальный порядок.

Но, войдя в дверь вслед за Гийоном, она попала в царство какой-то теплоты и милых сердцу вещей. Огромный светлый ковер, деревянная мебель с резными ножками, кожаные кресла, массивный дубовый рабочий стол, бар – неизвестно для чего стоящий здесь, ведь на работе пить спиртное не положено, – грамоты и фотографии с неизвестными ей, но явно значимыми персонами, книжные стеллажи, статуэтки, аккуратно расставленные по полочкам, старомодные часы со стрелками, маятник, несколько открыток и портрет некой

женщины, снисходительно улыбающейся со стены всем присутствующим.

Здесь было уютно, словно комната эта находилась вовсе не в офисном здании, а где-то далеко, в загородном доме на берегу большого озера, куда владелец приезжал на выходные, чтобы отдохнуть.

Остановившись на входе, Кайлин боялась сделать следующий шаг, восторженно вглядываясь в каждую деталь обстановки. Гийон замешкался и тоже огляделся. Ему было не понятно ее удивление, и он даже напрягся, будто боялся, что подопечная уловит в этом помещении нечто личное, нечто важное для него самого.

Он посмотрел на Кайлин, и все то время, пока она медленно перемещала взгляд от одного предмета к другому, наблюдал за ней. В уголках ее глаз появились морщинки, и от этого черты лица стали мягкими, а взгляд будто потеплел. Она прикусила нижнюю губу, и Гийон узнал этот жест. Кажется, Кайлин всегда так делала, когда задумывалась о чем-то. Ему показалось, что ей понравилось то, что она увидела. Что же может нравиться ей здесь, в помещении, где большую часть времени обитает ненавистный ей человек?

– Чей это портрет? – спросила она.

– Ты здесь не на экскурсии, – буркнул он и отвернулся.

Когда, спустя несколько мгновений, Гийон посмотрел на нее вновь, лицо ее ничего не выражало. Она глядела себе под ноги, безучастно сгорбившись и сложив руки на груди. Гла-

за перестали светиться, и знакомая ему обреченность заняла законное место в ее грустном взгляде.

На сердце стало спокойнее. Такой он хотел ее видеть: маленькой, смилившейся и отрешенной. Почему? Потому что в другой Кайлин он чувствовал силу, огонь, который его привлекал.

– Ты будешь работать в моей комнате отдыха, – пояснил Гийон. – Там можешь трогать все, что пожелаешь. Но если я хоть раз застану тебя в этом кабинете, сующей нос куда не следует, мало тебе не покажется.

– У меня нет привычки рыться в чужих вещах, – соврала она, припоминая, как искала важные документы в офисе бывшего начальника.

– У меня много дел. Можешь идти.

Гийон бросил эти слова с таким видом, будто она удостоилась аудиенции, как минимум министра, и теперь задерживает его.

Кайлин, догадавшись, что разговор на этом окончен, прошла в единственную внутреннюю дверь его кабинета и попала в комнату отдыха. Шерстяной ковер, диванчик, кресло, кофейный столик, шкаф с чайными принадлежностями, тарелками и приборами, чайник, кофеварка, голографический телевизор и стопка аккуратно сложенных газет на полу возле кресла, – все было в ее полном распоряжении. И главное, здесь было окно: большое, оно открывало ее взору вид на широкую улицу и высотное здание напротив.

– Можешь закрыть за собой дверь, – подсказал Гийон, присаживаясь за рабочий стол.

– Я принесу сюда документы?

– Делай, что хочешь, только не мешай.

Кайлин несколько раз прошествовала через кабинет опекуна с пачками мятых бумаг. Спустя некоторое время Гийон заглянул к ней и, застав пробужденную, грызущую карандаш, среди вороха бумаг на полу, объявил, что уезжает.

– До конца рабочего дня ты вернешься или мне закрыть все самой?

– Вернусь. Где туалет, ты знаешь, так что... – не договорив, он быстро скрылся за дверью.

Вернулся Гийон около пяти. Если учесть, что в десять минут шестого рабочее время заканчивалось, можно сказать, что он приехал вовремя.

Пребывая в скверном расположении духа после разговора с Цемеи, он заглянул в комнату к Кайлин и обомлел: пробужденная, сидя на полу и облокотившись на диван, читала... газету. Папки с документами стопкой лежали на кофейном столике.

– Ты что, все разложила? – не веря собственным глазам, произнес Гийон.

Кайлин оторвала взгляд от интересной статьи и посмотрела на него:

– Вообще-то, да!

– И сколько у тебя ушло на это времени?

– Часа два, наверное, – пожала плечами она.

– Ты разложила более тысячи листов из четырех разных дел в нужной нумерации по папкам?

– Да.

– За два часа?

– Да.

Не поверив ей на слово, он прошел в комнату и взял со стола одну из папок. Пролистав подшитые в нее листы, он взял другую папку, затем еще одну, и еще... Все бумаги действительно были разложены в порядке нумерации.

– Как ты это сделала? – с неподдельным удивлением спросил Гийон.

– А ты присмотрись внимательнее, может, поймешь.

Он с прищуром взглянул на нее и пролистал страницы, особо не всматриваясь в содержание.

– Как? – повторил он.

Кайлин поднялась с пола и, отогнув край листа, поднесла его к свету: бумага просвечивала зеленоватым оттенком. Затем она подобрала другую папку и снова поднесла край листа на свет – он был желтоватым.

– Каждое дело печатали на типовой бумаге, но в разное время. Мне повезло: все дела отличаются друг от друга по оттенку листов. Оставалось только разложить номера. Около трехсот страниц на каждое дело – не так-то и много.

Он посмотрел на нее, как на существо не с этой планеты. Гийон понимал, что столь простой и неординарный метод

сортировки бумажного материала вряд ли бы пришел ему в голову. Ведь, знай он, что листы отличаются по оттенку, тщательнее подобрал бы документы...

– Интересный подход, – ответил Гийон и кинул папку на пол.

Кайлин посмотрела сначала на него, затем на папку и все поняла.

– Это что, тебе не нужно?

– Нет, конечно. Все это есть в базе.

От злости, переполнившей ее чашу терпения на сегодня, у Кайлин свело горло. Она не знала, что ответить. Ни одной связной мысли, ни одного приличного слова не было в ее голове. В ярости она схватила одно из дел, и, отогнув скобы, вырвала все листы, бросив их опекуну в лицо.

– А теперь сложи все заново, – опешив от такой наглости, произнес он.

Кайлин же, ослепленная гневом, схватила другую папку, и пачка листов на этот раз ударилась ему в грудь.

– Давай, давай! Там еще две осталось! – подначивал Гийон.

Тогда она подняла с пола упавшие листы и начала рвать их, разбрасывая по сторонам.

– Совсем с ума сошла? – произнес ледяным тоном.

– А что? Так интереснее, не находишь?! Буду клеить скотчем! Неплохой пазл получится!

Он подгрреб ногой несколько листов и подбросил их воз-

дух.

– Жаль, что я раньше до этого не додумался.

– Ублюдок! – она топнула ногой по полу.

– Психичка! Приди в себя, наконец!

– Это низко! Я ведь старалась!

– Я дал тебе задание, – отчеканил он. – Если ты справи-
лась раньше, нужно было не газеты читать, а спросить у дру-
гих, не нужна ли им помощь.

– Это смешно! Без твоего согласия здесь никто ничего мне
не поручит.

– Ты не пробовала. Если ты не в состоянии проявить инициативу даже в таких элементарных вещах, какое дело я могу тебе доверить? Мало того, что ни черта не знаешь, так еще и ленива. Ты, – он ткнул ее пальцем в грудь, – неотесанный безграмотный бездельник, живущий на подачку от какой-то дойной коровы и претендующий на значимое место в этом мире!

«Безграмотная», «неотесанная бездельница», – только этими словами Гийон характеризовал ее. А она презирала таких людей, таких, к которым он ее причислил.

– Ненавижу! Как же я тебя ненавижу! – прохрипела Кайлин и, сжав руки в кулачки, вдруг расплакалась.

Эти слезы, приснувшие из глаз! Она не хотела их. Но подавить желание разреветься не смогла.

Вся злость Гийона почему-то растаяла в один миг. И на ее место пришло чувство вины. Чисто мужское состояние,

когда не можешь понять, что такого сделал, чтобы довести женщину до этих самых слез. И беспомощность, когда не видишь способа прекратить эту женскую истерику, кроме как сбежать от нее.

– Ты чего? – проямлил он.

– Уйди!

– Ты что, из-за этого собралась здесь рыдать?

– Уйди! Не хочу тебя видеть! Ты словно весь сделан из стали! Не человек, а робот!

Это последняя фраза прочно засела в его мозгу. Кайлин даже не поняла, что произнесла, возможно, самые обидные для него слова. Да и откуда ей было знать, что в теле Гийона мало чего осталось от человека...

Злость за эту рану внутри, вылилась в желание отомстить Кайлин самым жестоким образом. Гийон напрягся, обдумывая свой ответ, а затем, набрав побольше воздуха, произнес:

– Уж лучше быть роботом, чем таким убогим подобием женщины, как ты!!!

Бросив это, он вышел в дверь и хлопнул ею так, что у Кайлин зазвенело в ушах.

Она посмотрела на пол, усыпанный разорванными клочьями бумаги, и упала на колени. «Убогим подобием женщины» – вот кем она была.

Она плакала молча, позволяя теплым слезам сочиться из глаз и падать на чистый мягкий ворс ковра.

Кем же она стала за все эти годы? В кого превратилась?

А главное, когда именно произошла эта перемена. Она не помнила. Не смогла выудить из прошлого этот момент.

– Убогое подобие женщины, – прохрипела она, а потом вдруг выпрямилась и прекратила плакать.

Глаза ее распахнулись, и твердая уверенность в том, что это не так, стрельнула в ее голове. Разве не сегодня ей улыбнулся покупатель в аптеке? Разве не без интереса ее рассматривал официант в кафе, когда заказ делала не она? Разве сегодня кто-нибудь из сторонних людей что-нибудь сказал про нее плохого? Нет! Нет, черт побери! И сегодня ее замечали, обращали внимание. Никакой жалости, никакого презрения.

Нет, она была другой. Он сказал это специально, чтобы побольнее уколоть, ужалить посильнее. Потому что она обидела его первой. Это она указала ему на его физический недостаток, сравнив с роботом. Это она воспользовалась столь низким приемом, чтобы уязвить его самолюбие. И тут Кайлин почувствовала себя сволочью.

Поднявшись с пола, она начала подбирать разорванные листы бумаги и собирать их в стопки. Что с ними теперь делать? Может, действительно склеить, раз все равно никакой другой работы Гийон ей не даст?

В дверь постучали.

– Да? – отозвалась она.

– Ты идешь? – спросил Маркус, заглядывая внутрь.

– Да, сейчас.

– Что тут случилось? – он обомлел, глядя на бумаги, раз-

брошенные вокруг. – Кто все это учинил?

– Я, кто ж еще, – пробормотала под нос Кайлин.

– Как это произошло?

– Лучше тебе не знать, Маркус.

– Ты опять поругалась с Гийоном?

– Да.

– Тебе не стоит провоцировать его, – Маркус покачал головой.

– Мне тяжело сдерживаться.

– Относись ко всему проще. Пойдем, я завезу тебя домой.

Кайлин еще раз окинула взглядом свою новую рабочую комнату, усыпанную листами бумаги и, зацепив один из них носком на прощание, вышла вслед за Маркусом.

Рабочее утро началось, как обычно, с завтрака в кафе. Гийон пришел одним из последних и, молча присаживаясь на свое место, тут же заказал кофе. Кайлин сидела возле Сианны и почитывала какую-то книгу. Насыщенно синий тон блузки, которую она выбрала сегодня, изумительно оттенял ее кожу и акцентировал внимание на глазах. Гийон, сам того не замечая, задержал взгляд на ее лице чуть дольше, чем это требовалось, и не сразу понял, что к нему обращаются.

– Я сказала: «Привет, Гийон», – повторила Сианна.

– Да, всем привет, – тихо ответил он и отвернулся.

– Что сегодня? – спросила Сианна, пытаясь разрядить обстановку.

Кайлин, словно только сейчас заметив присутствие начальника рядом, оторвалась от книги и подняла глаза.

– Читать дома будешь, а здесь изволь работать, – буркнул Гийон, смотря куда-то в сторону.

Кайлин захлопнула книгу и пристроила ее себе на колени.

– Итак, – начал Гийон, – вчера я разговаривал с Цеми. Он весьма обеспокоен тем, что назревает вокруг. На днях запланировано заседание комиссии по правам пробужденных насчет вопроса узаконивания процедуры предоставления гражданства в случаях, когда пробужденные вступают в брак с гражданами.

– То есть? – не поняла Кайлин.

– На сегодняшний день, когда пробужденный вступает в брак, опека над ним автоматически переходит в руки супруга, – объяснил Гийон.

– А это нормально, когда муж или жена являются опекуном?

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул Маркус. – Но и ненормально, когда муж или жена находятся под опекой какого-либо третьего лица.

– У этого решения есть обратная сторона, – ответила Кайлин.

В этот момент на нее уставилось пять пар глаз, включая Ено.

– Что? – переспросил Гийон, будто не понял сути ее реплики.

– Кто-то может нажиться на этом, – пожала плечами Кайлин. – Эту лазейку предоставляет вся ваша система.

– Но она работает, эта система, – воспротивился Гийон.

– Каким образом? Лишая людей права распоряжаться собственной жизнью?

– Она охраняет всех нас от последствий действия вируса криогенизации.

– Не Сакар повреждает мозг, а сам процесс умирания.

– Ошибаешься, – ехидно ухмыльнулся Гийон. – Они просто не стали акцентировать твоё внимание на носительстве вируса.

– Что? – Кайлин прищурилась.

– После пробуждения вирус остается в теле в неактивном состоянии. Он не опасен для окружающих, но, тем не менее, каждый пробужденный – его носитель.

– Это мне известно. Ничего нового.

– Да-да-да, – залепетала Сианна. – А еще ты не прошла обследование у нас в центре.

– То есть? – насупилась Кайлин.

– Мне вчера позвонили из кадрового отдела и сообщили, что у них нет данных твоего медицинского обследования.

– Запросите их из Центра криогенизации, – пожала плечами Кайлин.

– И потратить на процедуру целую неделю? Один только

запрос составить чего стоит!

– Так в чем проблема? Этим должен заниматься кадровый отдел, а не ты.

– Ты закреплена за нами, – Сианна обвела рукой всех за столом, – и, если твои документы не в порядке, мы за это несем ответственность.

– Ладно, что нужно сделать? – перешла к сути Кайлин.

– Пройти медосмотр, – улыбнулась Сианна и посмотрела на Гийона.

Тот кивнул и продолжил:

– Сианна, займись этим. Проведи в наш медицинский центр: там у тебя полно знакомых, так что пусть быстро все сделают, и закончим на этом.

– Как скажешь, – согласилась Сианна.

Кайлин, конечно же, сразу поняла, в чем здесь дело. Но что они могли найти, проведя тесты? Имя ее им известно, причину ее смерти они все равно не определяют. Разве что... Да, черт с этим. Какое им дело? Только если посмеются, а это она вполне сможет пережить.

– Когда поедem на этот медосмотр?

– После обеда, – ответила Сианна, допивая кофе. – Я зайду за тобой.

– Хорошо.

Дальше обсуждение плавно перетекло в русло «кто какие документы уже подготовил», «кто конкретно будет беседовать со свидетелями» и «когда они планируют справить-

ся с этим заданием». Затем Гийон очень прозрачно намекнул, что в день заседания комиссии по правам пробужденных Маркусу и Кайлин лучше посидеть дома и не высываться, на что Маркус весьма красноречиво ответил, что он найдет, чем заняться у Кайлин дома.

И пусть Кайлин не восприняла просьбу Гийона серьезно, самого опекуна весьма заботил вопрос безопасности подопечной и собственного друга. Он вспомнил, чем обернулось прошлое подобное мероприятие и заметно напрягся, представляя, что в этот раз из разъяренной толпы протестующих придется вытаскивать не Маркуса, а Кайлин. И эта задача показалась ему практически не выполнимой. Она даже ударить не сможет, если что-нибудь произойдет, не говоря уже о том, чтобы отбиться от своры людей, норовящих разорвать ее в клочья в тот же миг.

Все поднялись со своих мест и направились к лифту. Кайлин спрятала подмышку книгу, которую начала читать сегодня, и побрела за ними следом.

– Сегодня решила с нами прокатиться? – засмеялся Рихтор.

– Бойтесь заразиться клаустрофобией?

– Ну, если ты повторишь вчерашний номер с нами в лифте, боюсь я больше не смогу в нем ездить.

Общий хохот врезался в уши Кайлин. Она промолчала, глядя на свое искаженное отражение в стальной поверхности закрывающихся перед ней дверей. Глубокий вдох, несколь-

ко секунд ожидания, и она снова была свободной. «Вполне сносно» – подумала Кайлин и поставила еще одну галочку в строку: «Борьба с собой».

Гийон не появлялся в собственном кабинете более часа. Кайлин с грустью подумала, что он наверняка старается избегать ее общества, потому не торопится приступить к делам в рабочем кабинете. С другой стороны, без его присутствия за дверью она ощущала себя более комфортно.

Кайлин выходила из уборной, когда увидела, что опекун возвращается к себе вместе с Маркусом. Замешкавшись на полпути, Гийон остановился.

– Где ты была? – спросил он.

– В туалете, – ответила Кайлин, приближаясь к ним.

– Ты все понял?

– Да, Гийон, – кивнул Маркус. – Завтра сделаю.

– Хорошо.

Гийон вошел в кабинет первым. Даже не оглянувшись, он попытался закрыть дверь перед ее носом, но она успела протянуть руку и перехватить ее. Маркус, заметив эту сцену, громко рассмеялся, но ничего не сказал.

Войдя в бывшую комнату отдыха, а нынче свой «офис», Кайлин закрыла за собой дверь и села на пол. Возобновив «творчество», она довольно быстро отвлеклась от неприятного инцидента.

Гийон сел за рабочий стол и не сразу заметил, что что-то не так. В углу, среди документов и других бумаг, лежал по-

мятый листок, склеенный из обрывков прозрачным скотчем. Он потянулся за ним. Надпись на листке была написана от руки: «Прости меня».

Вот так она попросила прощение за то, что, как ему показалось, сделала специально. И, держа в руках помятый листок простой офисной бумаги, склеенный из довольно мелких кусочков, он понял, что получил какой-то особенный подарок, странным образом согревающий его изнутри от одного только прикосновения.

Выдвинув один из ящиков стола, Гийон бросил послание внутрь. Наваждение покинуло его, но чувства презрения и стыда где-то внутри самого себя никуда не делись.

Он поднялся с места и подошел к смежной двери. Там, в другой комнате, было тихо. Приоткрыв дверь, Гийон заглянул внутрь: Кайлин, держащая во рту изгрызенный карандаш, со скотчем, прилепленным где-то на запястье, выглядела, мягко сказать, неформально. Обернувшись на звук открывающейся двери, она встретилась со знакомым контактным обручем.

– Собирайся, выезжаем через пять минут, – сказал он и тут же закрыл за собой дверь.

Кайлин улыбнулась этим словам, потому что вопреки всей сухости подобной фразы, они были произнесены без злости и агрессии по отношению к ней.

Глава 7

«Однажды я спросила Фёклу, зачем ей все это. Неужели зависимость от кого-то может быть настолько сильной? «Ты думаешь, я его люблю? – засмеялась Фёкла. – Нет, Катюша, я привыкла жить в роскоши, и он дает мне все это. А секс – это всего лишь секс: ни больше, ни меньше». «А если ты встретишь другого? Того, кто не сможет дать тебе всего этого?» – «Я откажусь от него. Без денег в этом мире нас не ждет ничего хорошего». «Заработай сама», – возражала я. «А я и зарабатываю!» – ответила Фёкла. Я так и не смогла понять ее. У Фёклы было будущее, а у меня – нет. Большая разница, великолепные перспективы. Как жаль, что люди способны с легкостью разбрасываться теми вещами, которые представляют ценности для других. Очень жаль...»

Из разговора от 17.11.3565

Садясь в машину рядом с Гийоном на подземной парковке, Кайлин мысленно приготовилась пройти через все круги ада.

– Все хорошо? – спросил он, заводя двигатель.

– Да, – кивнула она и глубоко вздохнула.

Музыка на этот раз не оглушила ее, да и в сидение не вдавило после старта. Выехав на одну из оживленных улиц го-

рода, Гийон плавно начал набирать скорость.

– Расслабься и откинься назад.

Она попыталась расслабиться и вдруг поняла, что машину дернуло лишь слегка, и картинки за окном проносятся не настолько быстро, как могло бы быть. Автомобиль оторвался от земли и устремился вверх.

Гийон мельком посмотрел на Кайлин и невольно улыбнулся, заметив, с каким энтузиазмом она осматривается вокруг. Ворвавшись в поток машин в небе и перестроившись в нужный ряд, он спокойно следовал за кем-то, летящим впереди.

Кайлин впервые в здравом уме увидела этот город сверху. Ровные дороги и здания, очень похожие друг на друга с этой высоты, люди, едва различимые, и машины, летящие вокруг, снизу и сверху, перекрестки, светофоры, знаки дорожного движения и неоновые рекламы, парящие тут же, рядом с ними.

Гийон перестраивался из одного уровня в другой, спокойно лавируя среди всего этого многообразия автомобилей, настойчиво сдерживая привычные порывы набрать скорость и оставить всех, летящих рядом, позади.

– Приготовься, сейчас спускаемся.

Сказав это, он встроился в поток машин, летящих вниз, и спустя несколько минут приземлился недалеко от квартала, который был ей не знаком.

– Никогда не думала, что смогу увидеть все это, – не скрывая воодушевления, произнесла Кайлин. – Раньше об этом

только мечтали. А сейчас люди летают на собственных автомобилях.

– Не думаю, что все изменилось кардинальным образом.

– Зелени не хватает. В мое время в этом городе было много деревьев и парков, газонов, украшенных цветами, а сейчас...

– Асфальт и бетон.

Она даже повернула голову, чтобы взглянуть на опекуна, который странным образом прочел ее мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.